

А. Н. БАРУЛИН

Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
anbarulin@gmail.com

МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЯНТАРНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКИХ КОМПОЗИТАХ С МОРФЕМАМИ {МЕЖ} И {МЕЖД}*

Статья посвящена морфологическому, морфолого-синтаксическому и семантическому анализу конструкций с морфемами {МЕЖ} и {МЕЖД}. Работа выполнена в рамках морфологической теории (МСТБ), развиваемой автором с 1977 г. Краткое изложение основных ее положений дается в первом параграфе. Для адекватного описания исследуемых морфем и конструкций с ними вводится новый тип конверсии, названный в статье конструктивным, т. е. тип конверсии, меняющий синтактику морфемы таким образом, что ее ранг в иерархии корень — клитика — аффикс повышается или понижается. Приводятся примеры, для описания которых целесообразно было бы использовать вновь введенный тип конверсии, например так называемые отделяемые префиксы в немецком языке, переход от корневой связки к клитической в турецком языке, переход от клитических первообразных предлогов к префиксам в русском языке, переход от клитик к корневым морфам в английском языке. Обсуждаются проблемы объединения алломорфов и вариаморфов с разными конструктивными статусами в морфему. Для адекватного описания морфолого-синтаксических конструкций с {МЕЖ} и {МЕЖД} используется введенное в [Барулин 2018] понятие рекурсивной операции изменения таксономического статуса (РОИТС) или, для краткости, янтарной операции, которая осуществляет изменение таксономического статуса произвольной языковой единицы от идеофона или слога до предложения на статус словообразовательной базы. В конце статьи обсуждаются правила предпочтения в выборе из синонимичных корнеклитических композитов с МЕЖ и МЕЖДУ.

Ключевые слова: морфология, словообразование, морф, морфема, толкование морфемы, синтактика морфемы, словоформа, композиты, {МЕЖ}, {МЕЖД}, МЕЖДУ.

0. Вводные замечания

Толчком к написанию данной статьи послужило ознакомление с работой [Иткин, Пекарская 2017], в которой делается попытка сформулировать

---

* Автор выражает глубокую благодарность своему ученику и другу И. Б. Иткину за внимательное, доброжелательное и критическое прочтение данной статьи, за исправления и замечания по ее тексту, а также за помощь в ее публикации. Автор выражает глубокую благодарность А. А. Шведовой за участие в сборе некоторых материалов для настоящей публикации.

правила выбора, как пишут авторы, первых компонентов сложных слов «на меж-, между-» [Там же: 433] и их «вариантов (? — А. Б.) меже- и между-» [Там же: 438]. В своем описании авторы пытаются обойтись без серьезного морфологического анализа структуры как указанных «компонентов», так и композитов в целом. Достаточно сказать, что выбранные для анализа «элементы» неоднородны: «меж-» имеет двойной статус, в «изолированном употреблении» эта морфема используется как клитика, в композитах — и как клитика, и как корневая морфема. Значения клитики и корня, как и модели управления в этих контекстах, разные, что при отсутствии дополнительного распределения позволяет считать их омонимами. «Меже-» — двухморфемное сочетание, состоящее из корневой морфемы {МЕЖ} и коннектора {О}¹. *Между* — двухморфемная клитическая словоформа, состоящая, как будет показано ниже, из заимствованной корневой основы и заимствованной же флексии {У}. «Между-» — сочетание заимствованной корневой морфемы {МЕЖД} и коннектора {О}. Значения всех этих морфем, как и их таксономический статус, не принимаются во внимание. Все это, на мой взгляд, приводит авторов названной статьи к ошибочным выводам и формулированию правил распределения, не выдерживающих критики. Задача настоящей статьи — восполнить недостающую информацию об указанных морфемах и скорректировать правила выбора морфем {МЕЖ} и {МЕЖД} в различных морфологических конструкциях. Работа написана в рамках морфолого-синтаксической теории автора (МСТБ), основные положения которой отражены в работах [Барулин 1977а; 1978; 1979; 1980а; 1980б; 1982; 1983; 1984; 1985; 1988; 1990; 1996а; 1996б; 2017; 2018; 2019].

1. Базовые положения теории

Поскольку в данной статье речь пойдет только о морфологическом компоненте проектируемой автором теории, мы ограничимся изложением базовых положений лишь этой ее части. Полная схема интегральной модели языка содержится в [Барулин 1996а]. О роли морфолого-синтаксического компонента в структуре интегральной теории см. [Барулин 1980а; 1980б; 1982; 1983; 1985; 1996а; 1996б; 1988; 2019; Барулин, Айхенвальд 1988]. Основная идея конструкции интегральной модели языка опирается, с одной стороны, на идеи Дакшипутры Панини [Pāṇini 1987], с другой стороны, на идеи Г. П. Павского [1841], И. А. Бодуэна де Куртенэ [1963] и Н. И. Жинкина [1998], с третьей стороны — на идеи И. А. Мельчука, изложенные в его «Опыте теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст»» [Мельчук 1999] и пятитомном труде «Курс общей морфологии» [Мельчук 1997; 1998; 2000; 2001; 2006].

¹ О термине «коннектор», его статусе и функциях см. [Барулин 2017].

Вслед за Панини автор теории рассматривает словоформу не как элемент парадигмы, а как синтагматическую единицу и опирается в описании ее как морфолого-синтаксической конструкции на правила построения основы, правила присоединения к основе флексий, правила сочетаемости морфем в словоформе и толково-комбинаторный словарь морфем.

У Г. П. Павского автору МСТБ оказывается важной мысль, изложенная в работе [Павский 1841]: «Въ чловѣческомъ словѣ два властителя: смыслъ и выговоръ. Смыслъ требуетъ, чтобъ каждая значительная буква (т. е. в современных терминах фонема, отвечающая за отличие значения данной единицы от значений других. — *А. Б.*) оставалась на своемъ мѣстѣ. Иначе съ потерей ея потеряется значеніе слова. По этому требованію смысла глазъ вездѣ хочетъ находить значительныя буквы въ надлежащемъ ихъ мѣстѣ и видѣ. Но выговоръ, другой властитель слова, во многихъ случаяхъ не терпитъ сближенія буквъ, требуемыхъ смысломъ. Съ выговоромъ соглашается и ухо. Для примиренія смысла съ выговоромъ и глаза съ ухомъ мы употребляемъ обыкновенно тѣ средства, которыя исчислены въ предшествующей главѣ, то есть, вносимъ въ слоги гласныя буквы, по отношенію къ смыслу ничего не значащія, но способствующія къ облегченію выговора; также выпускаемъ буквы, переставляемъ ихъ и пр.» [Там же: 115–116]. Из этого теоретического постулата Г. П. Павского следует, что языковые единицы строятся по правилам двух типов: правилам, для которых существенным является различие единиц по смыслу, и правилам, для которых существенны ритмика и правила артикулирования и сочетаемости звуков. Между ними могут быть конфликты, при которых первый тип правил строит цепочки, запрещенные вторым их типом. Эти конфликты устраняются третьим типом правил. При этом, когда адресату необходимо понять, как выглядит языковая единица с точки зрения правил первого типа, он автоматически приводит в действие механизм демонтажа действий правил второго и третьего типов². Все это должно определенным

---

² А. А. Реформатский в связи с двойным членением речи писал: «В силу своей принципиальной линейности сегментация звучащей речевой цепи (в моих терминах — сегментация на метрические единицы. — *А. Б.*) в своей прямой данности не требует парадигматики (на самом деле — семантической связности. — *А. Б.*). (...) Зато это членение абсолютно доступно экспериментальному анализу и дает последовательно фразы, такты, слоги и звуки (в моей терминологии, соответственно, — такты, фонетические слова, слоги и звуки. — *А. Б.*) (...) Совершенно ясно, что никаких синтагм, слов, морфем и фонем (в моей терминологии, соответственно, — словосочетаний (групп), словоформ (грамматических слов), морфов и фонем. — *А. Б.*) фиксация такой сегментации не обнаруживает и не может обнаружить. Поэтому все попытки от данных сегментационного анализа речи перейти сразу к структурным элементам языка обречены на неудачу. Членение речи, связанное с парадигматикой (в моей терминологии — членение на сигнификативные единицы. — *А. Б.*) не может исходить из прямой данности речевой цепи, а требует структурного анализа» [Реформатский 1987: 93].

образом учитываться при построении метаязыков и при построении интегральной модели языка.

И. А. Бодуэн де Куртенэ в своем «Введении в языковедение», не ссылаясь на предшественника, уточняет и развивает мысль Г. П. Павского:

Резюмируя все выше изложенное и многое другое, мы приходим к следующему выводу относительно делимости произносительно-слухового языка (= «выговор» Г. П. Павского. — *А. Б.*):

I. Постепенное деление с точки зрения фонетической, произносительно-слуховой.

1) Ряды произносимых слов (это место может быть неверно истолковано в том смысле, что И. А. Бодуэн де Куртенэ начинает свое членение со словосочетания; выше (на с. 252) он рассматривает процедуру расчленения на конкретном примере, а именно на примере пословицы *Что написано пером, того не вырубишь топором*; первое членение этого периода, по И. А. Бодуэну де Куртенэ, ориентируется, очевидно, на паузы: *Что написано пером* и *того не вырубишь топором*. — *А. Б.*). Самым ярким доказательством подобной делимости являются стихи.

2) Произносимые слова, объединяемые подчинением всего произносимого слогу акцентированному, слогу ударяемому, как слогу в этом отношении господствующему (выше И. А. Бодуэн де Куртенэ предлагает для обозначения единиц, объединенных одним ударением, два термина: ФОНЕТИЧЕСКОЕ СЛОВО и ПРОИЗНОСИТЕЛЬНО-СЛУХОВОЕ СЛОВО («Это будут фонетические или произносительно-слуховые слова» — с. 252); в лингвистике прижился первый. — *А. Б.*).

3) Слоги, определяемые отдельными экспирациями, или выдыханиями, воздуха из грудной полости при участии голосовых связок гортани.

4) Фонемы, объединяемые одновременностью нескольких произносительных работ и единством общего акустического впечатления.

5) Отдельные свойства фонемы: с произносительной стороны — представления отдельных работ органов речи; с точки зрения слуховой, акустической — отдельные оттенки общего впечатления, обусловливаемые именно указанными отдельными работами органов речи.

II. Постепенное деление с точки зрения семасиологически-морфологической (с точки зрения смысла по Г. П. Павскому. — *А. Б.*).

1) Фразы, предложения. Синтаксические целые и их сочетания.

2) Синтагмы, знаменательные слова, слова со значением и с морфологической делимостью, с синтаксической точки зрения не делимые единицы: а) постоянные выражения, неизменяемые сочетания нескольких слов, б) слова. <...>

3) Морфемы. <...>

4) Психические (морфологически-семасиологические) составные части морфем» [Бодуэн 1963: 255–256].

Независимо от И. А. Бодуэна де Куртенэ ввести в лингвистический оборот идею двух линий усложнения языковых единиц предлагали без ссылки на него А. М. Пешковский [б/г], называвший выделенные И. А. Бодуэном де Куртенэ линии ритмико-мелодической и грамматической, по со-

общению А. М. Пешковского, Д. Н. Ушаков, предложивший ему называть единицы «ритмико-мелодического ряда» сказами, и А. А. Реформатский [1987: 95]. Ее поддерживали (с соответствующей ссылкой на И. А. Бодуэна де Куртенэ) Г. А. Климов, Т. В. Булыгина [Булыгина и др. 1972: 101–102] и Н. Д. Арутюнова [Арутюнова и др. 1972: 236–237]. Близкие к идее И. А. Бодуэна де Куртенэ концепции развивали А. Мартине и Ч. Хоккет.

Чтобы избежать использования устаревшей терминологии (произносительно-слуховое слово, сказ), к тому же различной у разных авторов идеи двойного членения языковых единиц, автор данной статьи ввел современные, отражающие суть проблемы, термины: метрические и сигнификативные единицы соответственно. Метрическая линия усложнения единиц — это *фонема — слог — фонетическое слово*³ — *такт — период — (сложное) предложение*, а сигнификативная линия — это *фонема — морф — словоформа — словосочетание — (сложное) предложение*.

Идеи Павского — Бодуэна де Куртенэ на нейрофизиологическом эксперименте были подкреплены исследованиями Н. И. Жинкина [1958], обнаружившего, что процесс порождения речи управляется из двух координированных центров: подкорки, а именно, ствола мозга, управляющего дыхательными ритмами, и коры, управляющей когнитивными речевыми процессами [Жинкин 1958; 1998]. В относительно недавнее время к похожим мыслям пришли антрополог Терренс Дикон [Deacon 1997] и нейрофизиолог Филипп Либерман [Lieberman 2002].

Тем не менее серьезного развития мысль выдающихся лингвистов, антропологов и нейрофизиологов не получила. Современные интегральные теории языка строят иерархические модели усложнения только сигнификативных единиц (ср., например, теорию уровней Э. Бенвениста [1974: 129–140]) или смешивают метрические и сигнификативные единицы (ср., например, парадигматическую модель словоизменения А. А. Зализняка [2002], оперирующего понятием акцентуированной словоформы).

Идея И. А. Мельчука (также обращающего внимание только на сигнификативные единицы), повлиявшая на конструкцию ярусов и уровней в МСТБ, состоит в том, что синтез структуры предложения представляет собой последовательную смену аспектов рассмотрения сентенциональной структуры: семантического, глубинно-синтаксического, поверхностно-синтаксического, глубинно-морфологического, поверхностно-морфологического,

³ А. А. Реформатский и вслед за ним А. А. Зализняк вместо термина «фонетическое слово» используют термин «такт». Я следую здесь установившейся позже традиции бодуэновского способа именования непрерывной цепочки морфем, несущей одно ударение, — «(простое) фонетическое слово». За термином «такт» закрепляется значение «цепочка фонетических слов, расположенная между двумя ближайшими паузами». Термин «период», используемый здесь вслед за А. М. Пешковским, обозначает простое или сложное предложение, ограниченное справа одним из нескольких кодовых интонационных движений, сигнализирующих о конце реплики (повествовательной, вопросительной или восклицательной).

морфонологического, фонологического и фонетического или орфографического. Каждый аспект — отдельный уровень представления предложения, описанный с помощью специального метаязыка, обеспечивающего адекватный способ моделирования единиц данного уровня и отношений между ними. Каждое смежное представление предложения отличается от предыдущего бóльшим плеоназмом при синтезе и меньшим плеоназмом при анализе.

В основе схемы интегральной модели языка МСТБ лежит идея Э. Бенвениста об иерархизации системы уровней по сложности языковых единиц. Единицы увеличивают сложность в рамках яруса представления языковой структуры по вертикали. На каждом ярусе выделяются минимальные единицы (конституенты) и предельно большие единицы данного яруса (интегранты⁴). Задача яруса состоит в том, чтобы на основе сюжетного задания и правил номинации из конституентов синтезировать интегранты, затем с помощью правил линейного синтеза и свертки преобразовать их в конституенты следующего яруса: элементарные семантические единицы → значения морфем ⇒ морфемы → словоформы ⇒ словоформы → словосочетания ⇒ словосочетания → предложения ⇒ предложения → сложные предложения... Внутри яруса идет преобразование глубинных структур в поверхностные, поверхностных структур в линейные, в линейных структурах происходит преобразование морфонологического представления в архифонемное, фонологическое и затем — в фонетическое. Синтез опирается на толково-комбинаторный словарь морфем (подробнее см. [Барулин 1996а; 2019]).

В морфологическом ярусе конституентами считаются слог и морфема, а интегрантами — грамматическое и фонетическое слово. Границы между слогами будут обозначаться с помощью дефиса (*по-лу-чил, ско-во-ро-да*), границы фонетических слов — двумя косыми чертами (*Мне//на плечи//кидается//век-//волкодав//Но//не волк//я//по крови//своей*). Границы между морфемами в грамматическом слове будут обозначаться двумя разными знаками: границы между деривативными аффиксами, деривативными аффиксами и корнем будут обозначаться знаком ⊗, границы между грамматическими суффиксами, грамматическими суффиксами и корнем, грамматическими и деривативными суффиксами будут обозначаться знаком ⊕ (*происх[⊗]од[⊗]я[⊗]щ[⊕]им, люб[⊕]и[⊕]л[⊕]и*). Границы между клитическим и корневым грамматическим словом (см. о них ниже) обозначаются знаком #, границы между корневыми грамматическими словами обозначаются знаком ## (*Но##не#волк##я##по#крови##своей*).

Имена поверхностных морфем даются в фигурных скобках, например {МЕЖ}, {МЕЖД}, {У}, значения морфем — в марровских кавычках, например ‘⟨действие⟩ Р ⟨происходит⟩ в пространстве, ограниченном ⟨объектами⟩ X и Y’; в угловых скобках — семантика аргументов толкования. Кроме поверхностных морфем, мы будем выделять морфемы, которым приписывается статус глубинных, в трех следующих случаях: а) когда в

⁴ Термины «конституент» и «интегрант» ввел в употребление Э. Бенвенист.

качестве единицы морфологического уровня выступают операции, например конверсии, меняющие синтактику морфем и синонимичные сегментным морфемам, б) когда в одной поверхностной морфеме кумулятивно объединены два семантических компонента, не имеющих с морфолого-синтаксической точки зрения друг к другу никакого отношения, как, например, падеж и число в грамматическом показателе русского существительного, в) когда несколько грамматических и, иногда, лексических значений, в общем случае имеющих в данном языке свое собственное означающее, обозначаются неделимым на означающие других морфем означающим (случай мегаморфа, подробнее об этом см. [Мельчук 1997: 141–143; 2001: 401–418]). Глубинные морфемы, исчезающие в поверхностном линейном представлении цепочки морфем, в глубинном линейном представлении будут обозначаться в двойных угловых скобках (см. [Барулин, Шведова 2019]), например <<ИМ. П.>>, <<МН. Ч.>>.

После введения И. А. Мельчуком в научный обиход понятия языковой операции [Мельчук 1975; 1997; 2001: 309–368] работы, не использующие этого понятия, кажутся неполными и не вполне адекватными по отношению к материалу. Под языковой операцией понимается языковое или речевое действие над языковой единицей, программу которого можно разделить на три части: аргумент (то, над чем производится действие), производимое над ним действие и сферу действия (количество итераций одного и того же действия, или сегмент, состоящий из однородных единиц, над которыми должно быть произведено одно и то же действие). Лингвистика всегда имеет дело не с самим языковым или речевым действием, а с его моделью, отображаемой специальными средствами метаязыка. Модель операции в метаязыке мы будем называть оператором. В моем представлении оператор должен состоять из трех компонентов: эксплицитной инструкции, аргумента, над которым производится операция, и сферы действия оператора. В инструкции содержится информация об «алгоритме» действия, аргументом оператора является переменная, определенная на множестве конкретных моделей языковых единиц (элементах означающего, означающем, знаке, элементе означаемого, означаемом или синтактике языковых единиц), или переменная, определенная на множестве языковых единиц, обозначенном в компоненте «сфера действия»; сфера действия — это информация о том, сколько раз нужно произвести последовательность действий с одним и тем же аргументом, или о том, на каком множестве единиц определена аргументная переменная, т. е. на каком сегменте текста следует произвести действия, указанные в инструкции. Операторов насчитывается несколько видов. Основные — перестановки, усечения (элиминации), вставки (эпентезы), замены (подстановки одних единиц на место других), мультипликации (т. е. удвоения, утроения единиц и т. д.), трансформации (например, увеличение долготы гласной, продвижения в артикуляции, смена степени подъема у гласных, смягчение у согласных, смена режима работы голосовых связок и т. д.). По типу аргумента операции де-

лятся на модификации (термин И. А. Мельчука, в моей концепции термин для оператора — модификаторы) — операции над сегментными или суперсегментными единицами — и конверсии (термин И. А. Мельчука, в моей концепции термин для соответствующих операторов — конверсивы) — операции над синтактикой языковых единиц. Как элемент означающего оператор может функционировать так же, как цепочка фонем. Он может самостоятельно ничего не обозначать (как, например, чередование *д/ж* в *ходить/хожу*), а может и служить самостоятельным означающим отдельного языкового знака, как, например, в случае действия оператора мультипликации в сочетаниях *быстро-быстро*, *часто-часто*, *редко-редко*, где он имеет значение ‘очень’.

Для дальнейшего изложения нам будет важно, что в МСТБ морфемы, согласно конструктивной классификации, подразделяются не на два (корни и аффиксы), а на три класса: корни, клитики и аффиксы. Специально следует отметить, что под клитиками понимаются не клитические словоформы, как это имеет место, например, у А. А. Зализняка в [Зализняк 1985; 2008], а также у западных исследователей (см., например, [Anderson 2005]), а именно морфемы. К корневым морфемам будут относиться такие, которые способны образовывать⁵ порядковый центр и минимум⁶ простых фонетических и простых грамматических слов. К клитикам будут относиться морфемы, способные образовывать порядковый центр и минимум простых грамматических слов, но не способные образовывать порядковый центр фонетических слов. К аффиксам будут относиться морфемы, не способные образовывать порядковый центр ни грамматических, ни фонетических слов.

Все простые словоформы делятся на корневые, клитические и корне-клитические (определения см. в [Барулин 2018: 45–46; 2019]).

Все морфемы в грамматическом слове непрерывно связаны морфолого-синтаксическими отношениями. Как и лексико-синтаксические отношения, морфолого-синтаксические состоят из трех компонентов: самого факта морфолого-синтаксической связанности (моделируется линией, соединяющей связанные морфы), отношения доминантности-подчинения (модели-

⁵ Под словосочетанием «способны образовывать» имеется в виду, что во всех случаях, когда данная морфема встречается в правильно построенных простом фонетическом и/или простом грамматическом словах, она образует порядковый центр данной единицы, что, в свою очередь, означает, что порядок всех прочих морфем этих единиц определяется относительно данной. Под словосочетанием «не способна образовывать» имеется в виду, что в данном языке не может существовать такой правильно построенной словоформы и такого правильно построенного фонетического слова, в которых бы данная морфема была способна образовывать порядковый центр.

⁶ Под минимумом здесь будет пониматься способность ядра данного класса морфем выступать в качестве единственной морфемы фонетического и/или грамматического слова.

руется стрелкой на одном из концов линии, обозначающей факт связанности морфов)⁷ и имени класса морфолого-синтаксического отношения, перечень которых приведен и прокомментирован в [Барулин 2019: 28–51].

2. Морфологическая трактовка фактов

Рассмотрим, какими значениями и какой синтактикой обладают морфемы {МЕЖД} и {МЕЖ} в разных конструкциях.

2.1. Словоформа между

2.1.1. Морфолого-синтаксическая структура словоформы

Появление предлога МЕЖДУ в древнерусском и наследование его современным русским языком можно было бы считать просто результатом заимствования из церковнославянского языка и трактовать его как нечленимое целое: это морфосочетание функционировало как предлог уже в языке-доноре. Однако наличие в современном русском языке композитов, образованных с помощью корневой морфемы {МЕЖД} (МЕЖДОМЕТИЕ, МЕЖДОУЗЛИЕ, МЕЖДОУЗЕЛЬНЫЙ, МЕЖДОУСОБИЦА, МЕЖДОУСОБНЫЙ и др.), не позволяет считать подобную трактовку адекватной. Мы принимаем здесь точку зрения, по которой заимствованы были и морфема {МЕЖД}, и грамматический показатель {У}, и операция, которая преобразовала в церковнославянском языке субстантивную форму локатива двойственного числа в проклитический предлог. В соответствии с этой точкой зрения морфологическая структура словоформы *между* выглядит следующим образом. В ней выделяется субстантивный корень {МЕЖД} и заимствованный из этого же языка показатель локатива двойственного числа {У} [Фасмер 1986] с буквальным значением ‘в пространстве, ограниченном двумя <объектами>, Y и Z, относящимися к классу объектов X’. Уже в церковнославянском языке это морфосочетание идиоматизировалось и стало обозначать ‘<действие или состояние P, имеющее место> в пространстве/части <объекта> Z, ограниченном/й <объектами> X и Y, или <отношение/направленное друг на друга действие P> <объектов> X и Y, выступающих в роли агента и контрагента’. Таким образом, **значение предлога было сведено к значению локатива двойственного числа**, значение же корневой морфемы свелось к нулю. Об этом свидетельствует и тот факт, что валентность показателя числа, которая должна заполняться корневой морфемой той же словоформы, у предлога заполняется другой сло-

⁷ Определение доминантного члена морфолого-синтаксически связанной пары, как и в лексическом синтаксисе, определяется по правилу Базелла (см. о нем [Тестелец 2001: 82; Барулин 2019: 22 и далее]).

воформой или другими словоформами. Тем не менее членимость *между* на две морфемы формально сохранилась. В морфологической конструкции *междуузлия* выделяется корневой морф МЕЖД (ни клитики, ни аффиксы в качестве одной из основ грамматического композита с коннектором {О} выступать не могут (см. [Барулин 2017])) безо всякого /у/, из чего следует, что сегмент /у/ тоже должен быть признан означающим отдельного морфа. Складывается парадоксальная ситуация. В принципе, значения грамматического суффикса здесь достаточно для того, чтобы добавить в речевую конструкцию необходимый интенциональный компонент. Однако правила грамматики не позволяют суффиксу образовывать отдельное грамматическое слово, поэтому при нем остается семантически ненужная, пустая корневая морфема, необходимая только для того, чтобы была построена правильная словоформа, содержащая структурный грамматический минимум субстантивной словоформы: R + F. Эффект идиоматизации морфосочетания проявился здесь, во-первых, в том, что корень стал представлять означающее всей идиоматической конструкции, заместив свое значение значением флексии: интенционалы морфа МЕЖД и конструкции *межд(+)у* совпадают, МЕЖД в *междуузлия* обозначает '⟨часть объекта X⟩, ограниченная ⟨узлами⟩ Y и Z', а во-вторых, в том, что формально валентная на корень глубинная морфема двойственного числа из-за того, что ее значение стало значением всей конструкции, как уже сказано выше, стала валентна, как и полагается предлогу, на подчиненные ему субстантивные словоформы, которые должны при нем стоять в творительном или родительном падеже.

Таким образом, *между* в русском языке функционирует как слабая морфологическая идиома, означаемое которой не выводится из интенционалов, составляющих конструкцию морфем, но сводится к значению одного из членов морфосочетания. При этом идиоматичность конструкции не означает нечленимости ее на морфы и отсутствие между морфемами, пусть и формальных, но вполне определенных морфолого-синтаксических отношений (см. об идиомах в морфологических конструкциях подробнее [Барулин 2018: 50 и далее]), а именно юнктивно-актантного морфолого-синтаксического отношения (см. о классификации морфолого-синтаксических отношений [Барулин 2019]), т. е. такого, при котором один из членов синтаксически связанной пары валентен на другой и является зависимым в паре. Это стандартное отношение между субстантивным корнем, заполняющим одну из валентностей глубинной морфемы падежа и единственную валентность глубинной морфемы числа, и этими глубинными морфемами. Морфолого-синтаксическое отношение с глубинной морфемой числа у этого корня такое же, юнктивно-актантное: глубинная морфема числа формально валентна на субстантивную корневую морфему и является зависимой в паре.

Из проведенного анализа следует, что идиоматическую конструкцию в нашем случае составляет пара «субстантивный корень + флексия». Со-

гласно этому выводу словоформа *между* должна относиться к классу субстантивных корневых словоформ с уникальной флексией местного падежа двойственного числа⁸. Однако такая словоформа должна быть самостоятельным акцентным словом, поскольку порядковым центром ее является корень, что доказывается и его способностью быть одной из основ в композите *междуоузлами*. Эта характеристика противоречит реальному статусу словоформы МЕЖДУ: в конструкциях с существительными она не несет собственного ударения, примыкает к корневому грамматическому слову слева, не может стоять к нему в постпозиции и, следовательно, представляет собой проклитическое грамматическое слово. Методами традиционной морфологии это противоречие в трактовке словоформы *между* объяснить не удастся. Однако оно легко объясняется, если использовать введенное И. А. Мельчуком понятие конверсии как операции над синтактикой морфемы. Определение конверсии у И. А. Мельчука выглядит следующим образом: «*Конверсией*₁ называется элементарная подстановка [в математическом смысле], производимая над некоторой морфологической синтактикой, превращающая ее в некоторую другую морфологическую синтактику» [Мельчук 2000: 139]. В случае с МЕЖДУ происходит замена сочетаемостных свойств корневой морфемы на сочетаемостные свойства, характерные для клитики. У корневой морфемы {МЕЖД} способность образовывать порядковый центр как грамматического, так и фонетического слова ограничивается способностью образовывать грамматический центр только грамматического слова и добавляется обязательная для клитики характеристика — примыкать к корневому грамматическому слову с какой-нибудь одной стороны, в данном случае — слева. Смена конструктивного статуса основы словоформы автоматически влечет за собой и смену конструктивного статуса словоформы: из корневой грамматического слова, способного иметь собственное ударение, она превращается в проклитическое грамматическое слово.

Изменение конструктивного статуса морфемы ранее не рассматривалось в качестве подкласса конверсий ни в традиционной морфологии, ни в фундаментальном труде И. А. Мельчука. Тем не менее это изменение вполне подходит под цитированное выше определение, с чем в личной переписке согласился и сам автор приведенного выше определения конверсии, И. А. Мельчук. Этот новый тип конверсии мы будем далее называть конструктивным (КК). Самым ярким примером КК в русском языке является преобразование проклитического предлога в префикс. {ДО}_{прокл.} — {ДО}_{преф.}, {ЗА}_{прокл.} — {ЗА}_{преф.}, {НА}_{прокл.} — {НА}_{преф.}, {НАД}_{прокл.} — {НАД}_{преф.}, {О}_{прокл.} — {О}_{преф.}, {ОТ}_{прокл.} — {ОТ}_{преф.}, {ПЕРЕД}_{корень} — {ПЕРЕД}_{прокл.} — {ПРЕД}_{преф.} и т. д. Как известно, соответствующие префиксы и предлоги-

⁸ По форме это /у/ совпадает с местным падежом ед. ч. (ср. *в лесу, в носу, в полу*), но местный падеж всегда управляется предлогом, а при *между* предлога быть не может, из чего следует, что в одну морфему эти два /у/ не сводятся.

проклитики очень близки по семантике. Синтактика у них разная. В частности, они отличаются тем, что предлоги управляют определенным падежом существительных, префиксы же сочетаются с глагольными корнями и управлять существительными не могут (см. об этом подробнее [Барулин 2018: 49 и далее]). КК достаточно широко представлена в разных языках, и работает она в них по-разному. Так, в немецком языке с помощью этого типа конверсии можно было бы описывать регулярное изменение порядка следования предлогов-клитик в конструкциях с наречиями DA ‘здесь’ и WO ‘где’ и с обычной именной группой (*mit#meinem##Bruder* ‘с моим братом’, но *Weil er da#mit nichts zu tun hatte* ‘потому что он с этим никак не был связан’; в первом примере предлог MIT стоит в препозиции к корневому грамматическому слову, а во втором — в постпозиции; *Das ist der letzte Brief von#meinem##Bruder* ‘Это — последнее письмо от моего брата’, но *Da#von wurde ich nicht mal träumen* ‘Об этом я даже бы не мечтал’, *Wo#von ist die Rede?* ‘О чем речь?’). Конструкции с DA и WO требуют теоретического осмысления в двух отношениях: во-первых, эти лексемы — наречия и, следовательно, не могут вступать с предлогами в синтаксические отношения. Во-вторых, предлоги-проклитики типа MIT, VON, AUS, AN и другие должны стоять по отношению к корневому грамматическому слову в препозиции, а они стоят в постпозиции. Объяснение первой аномалии состоит в том, что DA и WO в конструкциях с предлогами субстантивируются, меняют значение и становятся синонимами соответственно, DAS, ES ‘это’ и WAS ‘что’. По большому счету именно конверсией наречие → существительное объясняется и факт конструктивной конверсии у предлогов — проклитика → энклитика, и восстановление перед гласными древнего /r/ (*dar#an, dar#auf, dar#aus, dar#um, wor#an, wor#auf, wor#aus, wor#um* и т. д.). Операция изменения порядка присоединения предлогов, преобразование их в послелоги, появление перед клитической границей фонемы /r/, чередующейся с нулем, обозначают сам факт частеречной конверсии и размежевания DA и WO наречий с DAR и WOR — существительными, в синтактике которых предусмотрена возможность сочетания с предлогами.

С помощью понятия КК можно непротиворечиво описать и так называемые отделяемые глагольные префиксы в том же немецком языке. В конструкции типа *Stellen Sie sich vor, Sie wären schwerelos* ‘Представьте себе, что вы невесомы’ префикс (в данном случае {VOR}) отделяется от глагола (в данном случае (*sich*) *vorstellen* ‘представлять (себе)’) и ставится в постпозиции к глаголу в конец предложения. При этом он преобразуется в отдельное фонетическое слово, что возможно только тогда, когда это *vor* — корень. Понятие «отделяемого префикса», которым пользуются грамматисты в этом случае, при определении аффикса как неотделяемой части грамматического слова, становится полным нонсенсом и ставит в тупик теоретика, пытающегося дать адекватное определение аффикса. Понятие конструктивной конверсии расставляет все по своим местам. Конверсия

глагольного префикса в корневую морфему с превращением ее в отдельное фонетическое слово и помещением его в конце простого предложения является синтаксическим средством обозначения границы предложения. Отмечу сразу, что при такой трактовке отделяемости префикса, а также конструкций типа *damit* и русских предлогов, конвертированных в префиксы, необходимо решить вопрос об идентичности префикса, конвертированного в корень, и префикса неконвертированного, субстантивированного DA и наречия DA, проклитического предлога и энклитического послелога MIT, русских предлогов и результатов их конверсии в префиксы.

Подробный анализ ситуации показывает, что однозначности в этом вопросе нет. В работе [Барулин 2018: 58 и далее] было показано, что субстантивация бывает категориальной и контекстной. При категориальной субстантивации конвертируемая лексема меняет все свои синтаксические и лексические свойства. Так, например, лексема УЧЕНЫЙ теряет способность изменяться по родам (ср. *Она — хороший ученый*), к ней, например, можно присоединить адъективное определение и нельзя присоединить наречие (**Она — хорошо ученый*). Субстантивированное прилагательное в таком случае преобразуется в другую лексему, не идентичную исходной. Конверсия носит здесь знаковый характер и должна быть приравнена к субстантивирующей морфеме, обозначающей первую валентность прилагательного, как, например, {ОК} в лексеме ЖЕЛТОК. Результат конверсии следует рассматривать как сочетание словообразовательной базы с деривативной морфемой. Поэтому теряется идентичность исходной для конвертации лексемы и конвертированной.

При контекстной субстантивации лексические свойства словоформы сохраняются. Рассмотрим предложение *Она была прекрасна в зеленом платье, но в ослепительно белом она мне нравится еще больше*. В его предложной группе *в ослепительно белом* «белом» — несомненно субстантивированное прилагательное, иначе оно не могло бы состоять в синтаксической связи с предлогом. Однако оно не потеряло своей лексической идентичности, своих категориальных адъективных свойств, иначе оно бы не могло состоять в синтаксической связи с наречием. Анафорически оно связано с лексемой среднего рода ПЛАТЬЕ, поэтому оно тоже среднего рода. Если бы на месте лексемы ПЛАТЬЕ была лексема ЮБКА, оно было бы женского рода, из чего следует, что оно не потеряло способности изменяться по родам. Все это говорит о том, что указанная словоформа относится к адъективной, а не субстантивной лексеме, ее субстантивация не затрагивает исходной категориальной адъективности. Таковы свойства этого типа конверсии. Обычно контекстная субстантивация — следствие эллипсиса (факультативного или обязательного), когда один из членов синтаксической группы опускается и оставшийся ее член обозначает кроме своего интенционального и референциального компонента еще и интенциональные и референциальные компоненты опущенного члена конструкции. Другой контекст, в котором требуется контекстная конверсия, — конст-

рукции с глаголами бытия типа *Луг был уже совершенно зеленым*. См. подробный анализ примеров этого типа в [Барулин 2018: 58 и далее].

То же можно сказать и о немецких примерах. В сочетаниях DA и WO с предлогами и DA, и WO подвергаются категориальной субстантивации. Операция конверсии здесь носит знаковый характер. У них меняется не только синтактика, но и значение. И результат субстантивации следует рассматривать как сочетание корневой морфемы и словообразовательного суффикса.

Для предлога ситуация носит обратный характер: конверсия не затрагивает его синтаксические и семантические характеристики и, следовательно, не носит знакового характера. Идентичность значений препозитивной и постпозитивной клитики, распределенность в их употреблении позволяют объединить их в одну морфему. Для предлога это контекстная конверсия. То же можно сказать и об отделяемых префиксах. Сам факт отделения префикса и преобразование его в корень не изменяет ни его семантических характеристик, ни его роли по отношению к глаголу, из чего следует, что конструктивная конверсия носит здесь незнаковый характер, а результат конверсии следует объединить с исходным морфом в одну морфему, приравняв КК к незначащему чередованию.

Совершенно другая ситуация с конверсией русских предлогов в префиксы. Здесь при конверсии меняется не только синтактика, но и семантика языковой единицы. КК носит в этом случае знаковый характер. Результат конверсии следует рассматривать как сочетание морфем, а предлоги и соответствующие префиксы не могут быть объединены в одну морфему.

В турецком языке регулярным способом выражения конверсии $R \rightarrow \text{Encl}$ является формальное преобразование корневого /i/ в чередование у/ö с гармонизацией следующих после энклитики суффиксов клитического грамматического слова (*baba-|s|-i##idi* — *baba-|s|-i#yüdi* ‘он был ее отцом’, *köyölü##iödi* — *köyölü#yüdü* ‘он был крестьянином’). Это преобразование не отражается ни на семантике, ни на функциях грамматических слов, образуемых корневым и энклитическим морфами копулатива. Поведение клитического и корневого грамматического слова отличаются лишь метрическими характеристиками: клитический копулатив не способен образовывать отдельное фонетическое слово, а корневой — способен. Из всего этого следует, что конверсия носит здесь незнаковый характер, и корневой и клитический морфы могут быть объединены в одну морфему. Но причина объединения клитического и корневого морфов здесь другая, нежели у распределенных в употреблении немецких предлогов. Упомянутые морфы находятся не в отношении алломорфии, а в отношении вариаморфии, как, например, русские показатели творительного падежа в первом склонении /ой/ — /ою/ (*женой* ~ *женою*). Напомним, что два морфа называются вариаморфами одной и той же морфемы (находятся в отношении вариаморфии), если они обладают одним и тем же значением и их синтактики пол-

ностью совпадают. Два разных морфа находятся в отношении алломорфии (являются алломорфами одной и той же морфемы), если они обладают одним и тем же значением и распределены в употреблении.

Вернемся теперь к корневой морфеме {МЕЖД}. Нам нужно понять, является ли КК R → Procl категориальной или контекстной. Как уже было сказано, значения их идентичны, и они распределены в употреблении: корень межд появляется только в грамматических композитах, клитика межд — только в грамматической клитической словоформе в соседстве с показателем локатива двойственного числа {У}. Из этого следует, что конверсия здесь носит контекстный характер, а корневой и клитический морфы объединяются в одну морфему.

Для преобразования клитической субстантивной словоформы в предлог нам потребуется еще одна операция, теперь уже частеречной (категориальной) конверсии (ЧК) существительное → предлог. Эта операция обрывает лексическую связь словоформы с парадигмой склонения не прижившейся в русском языке, несуществующей лексемы *МЕЖДА, полностью меняет сочетаемость субстантивной словоформы на синтактику, характерную для предлога.

Отсутствие в русском языке лексемы *МЕЖДА может зародить сомнение в том, что описанные выше преобразования носят синхронический, а не диахронический характер. И здесь нам будет трудно обойти вопрос о сути противопоставления синхронии и диахронии у Ф. де Соссюра. В противопоставлении синхронических и диахронических фактов Ф. де Соссюр прежде всего подчеркивал различие двух типов равенств: синхронического равенства двух языковых единиц и их диахронического равенства. В качестве примера Ф. де Соссюр приводит нечленимое, с точки зрения современного французского языка, слово *enfant* ‘ребенок’, восходящее к латинскому *infans* ‘неговорящий’. Если мы поставим между французским и латинским словами, а также между сегментом /en/ французского слова и сегментом /in/ латинского слова знак равенства, мы должны будем признать, что *enfant* членимо, поскольку латинское слово можно разделить на префикс {IN} и форму причастия настоящего времени от глагола *for* ‘говорить’, и выделить в *enfant* префикс {EN} со значением ‘не’ и *fant* со значением ‘говорящий’, что, с точки зрения современного французского языка, неверно. Столь же неверным было бы утверждение, по которому *infans* нечленимо. «Подобная морфология просто ужасна» [Соссюр 2000: 82].

Приведем еще один пример. Скажем, с диахронической точки зрения русское /ц/ в словоформе *целый* равно праславянскому /к/, из которого оно произошло. Исследуя равенство морфем с точки зрения их происхождения из одного и того же древнего корня, мы должны помнить об этом равенстве /ц/ и /к/. А. А. Зализняку знание об историческом равенстве этих фонем позволило исправить неверный перевод одной из древнейших новгородских грамот, грамоты № 247, а именно фразу «а замъке кѣле а двъри кѣлѣ», и установить, что в древненовгородском идиоме не было второй палатали-

зации: /к/ там не поменялось на /ц/. Однако носителю современного русского языка незнание об этом равенстве не мешает правильно использовать словоформы с корнями {ЦЕЛ}, {ЦВЕТ} и т. п. Оно необходимо только лингвистам и историкам, имеющим дело с древними текстами. Зато носителю русского языка необходимо знать о равенстве /к/ и /ч/, чередующихся в словоформах *рука* — *ручка*, *строка* — *строчка*, *стрелка* — *стрелочка*, *белка* — *белочка*, *лук* — *лучок*, *сук* — *сучок* и т. д., о равенстве /г/ и /ж/, чередующихся в словоформах *друг* — *дружок*, *луг* — *лужок*, *бог* — *божок* и т. д. Это — другой тип равенства, равенство фонем, стоящих в определенной позиции определенных морфов, относящихся к одной и той же морфеме. Носитель языка должен подсознательно «знать» обо всех равенствах такого рода, чтобы порождать правильно построенные формы русских лексем.

К той же категории относится подсознательное «знание» о тождестве морфов, относящихся к одной и той же морфеме. Носителю русского языка, в частности, необходимо знать, что проклитический морф межд, используемый в основе предлога МЕЖДУ, и корневой морф межд, используемый в композитах типа *междуозлие*, относятся к одной и той же морфеме и что, если ему будет нужно построить словоформу со значением ‘X, такой, что X располагается в пространстве, ограниченном объектами Y₁ и Y₂’, он может в качестве окказионализма воспользоваться конструкцией композита типа {МЕЖД} ⊕ Conn ⊕ В ⊕ {И} / {J} ⊕ {ИМ. П. ЕД. Ч}, построить правильные словоформы типа *междокаменье*, *междоволосье*, *междогубье*, *междодверье*⁹ и быть правильно понятым своим собеседником. При этом он, естественно, должен понимать и даже чувствовать, что словоформы такого типа — искусственное построение, оживляющее теперь непродуктивную конструкцию с корневым морфом {МЕЖД}, доживающую свой век в считанных лексемах специальных подязыков.

Соглашение. Далее полученная интерпретация предлога для простоты записи будет изображаться без скобок и обозначения операторов.

2.1.2. Значения проклитического грамматического слова МЕЖДУ

Укоренившись в качестве отдельной лексической единицы, обросшей парадигматическими отношениями с другими предлогами, лексема МЕЖДУ обросла и полисемическими ответвлениями от главного, пространственного значения. Ниже они эксплицируются.

⁹ Ср. правильно построенные с этими неологизмами русские предложения: *В междокаменье сноровисто паучьей походкой бегали многочисленные младенцы крабов. Междоволосье у мальчика было какого-то необычно белого цвета. Междогубье божжа было всегда заполнено беловатой пеной, как будто он постоянно жевал мыло. Полы ее пальто застряли в междодверье вагона метро, и это мешало ей как следует разглядеть молодого человека.*

2.1.2.1. Пространственные

2.1.2.1.1. Линейные и плоскостные

Присутствие в морфологической конструкции словоформы МЕЖДУ морфемы двойственного числа сказывается на данной группе значений совершенно особым образом. В ситуации исчисления, как это следует из известной статьи Э. Сепира «Totality» [1930], в качестве ее компонентов выделяются исчислитель (квантификатор — единица исчисления), исчисляемое множество (квантифицируемое) и число как отношение между исчислителем и исчисляемым. Каждому из этих компонентов в выражении, обозначающем исчисленное множество (квантификат), может соответствовать своя номинация, например *две чашки чая*, где *чашки* — исчислитель, *чая* — исчисляемое, а *две* — число. Однако в случаях, когда имя исчислителя и имя исчисляемого совпадают, имя исчисляемого подвергается эллипсису, например в словосочетании *две чашки ЧАШКА* обозначает и единицу исчисления, и исчисляемое множество *чаши*⊗*к*⊗*и*. Бывает так, что квантификат состоит из двух исчислителей и двух чисел, при каждом из которых должно быть свое исчисляемое, например *две пары чашек кофе*. В этом словосочетании у лексемы ПАРА есть свой исчислитель — ЧАШКА, который здесь совпадает с именем исчисляемого. Вместе с *чашкой* лексема ПАРА составляет сложное наименование второго исчислителя — *пара чашек*, у которого есть свое исчисляемое — *кофе*. В такого рода сложных обозначениях при совпадении имени исчислителя и имени исчисляемого наблюдается двойной эллипсис, например в словосочетании с квантитативным исчислителем ДЕСЯТОК — *два десятка яиц* — последняя словоформа представляет собой номинацию исчисляемого и сложного исчисляемого, и всего выражения в целом. Бывает и наоборот, скажем, в выражении *командир второй сотни* опущено исчисляемое (например, *казаков*).

В нашем случае семантика двойственности, которая должна была определить квантитативный исчислитель множества ('в локусе X / в локусах X₁...X_n, ограниченном/ограниченных парой/парами объектов Y₁ и Z₁ / [Y₁, Z₁], [Y₂, Z₂]...[Y_n, Z_n]', обозначаемого корневой морфемой, переориентируется на семантику подвалентных МЕЖДУ субстантивных лексем, обозначающих элементы пар, или все множество пар. И при обозначении подвалентной лексемой некоторого множества имя множества обозначает не множество элементов, а множество пар элементов. Например, в предложении *Между окнами на высоких подставках стояли цветы* словосочетание *между окнами* обозначает 'в локусах, ограниченных (каждой) парой окон, (стояли цветы)'

1. Локативные. '⟨Действие/состояние/объект⟩ Р ⟨имеет место / располагается⟩ в пространстве, ограниченном одной или несколькими парами ⟨объектов⟩ (X₁, Y₁), (X₂, Y₂)...(X_n, Y_n)', например:

- (1) (i) *Девушки равномерно разместились между юношами/ +юношей;*
- (ii) *Авария произошла между деревьями Ахтимнеево и Квашёнки*
 (**между деревень Ахтимнеево и Квашёнки*);

- (iii) *Пьер сидел между женою и старою графиней (*между жены и старой графини)* (Л. Н. Толстой. «Война и мир»).

Примечание. Родительный падеж при предлоге МЕЖДУ невозможен в случае, когда зависимые от него существительные стоят в единственном числе.

- (iv) *Он метался между Москвой и Петербургом;*
 (v) *Фирма осуществляет перевозки между городами;*
 (vi) *Между островом и материком ходил паром;*
 (vii) *Лайнер курсировал между Европой и Северной Америкой.*

2. Директивные/транслативные. ‘⟨Действие Р направлено⟩ в/через пространство, ограниченное одной или несколькими парами объектов $(X_1, Y_1), (X_2, Y_2) \dots (X_n, Y_n)$ ’, например:

- (2) (i) *Мяч пролетел между его/их руками (рук) и упал на игровое поле;*
 (ii) *Ну, он и врезал ему между глаз (*глазами).*

3. ‘⟨Протяженный/протяженные объект(ы) Z, такой/такие, что Z(-ы)⟩ попарно соединяет/соединяют ⟨объекты⟩ $(X_1, Y_1), (X_2, Y_2) \dots (X_n, Y_n)$ ’ (синонимично ‘⟨Протяженный/протяженные объект(ы)⟩ Z, попарно соединяющий/е объекты $(X_1, Y_1), (X_2, Y_2) \dots (X_n, Y_n)$ ’, например:

- (3) (i) *подвесной мост/подвесные мосты между деревнями (= подвесной мост/подвесные мосты, соединяющий (-ие) деревни);*
 (ii) *переход(ы) между зданиями (= переход(ы), соединяющий (-ие) здания);*
 (iii) *Дорога между Москвой и Ленинградом была перерезана;*
 (iv) *Между городами была установлена телефонная связь.*

4. ‘⟨Протяженный объект⟩, такой, что X разделяет Y_1 и Y_2 ’ (синонимично ‘⟨протяженный объект X⟩ разделяет Y_1 и Y_2 ’), например:

- (4) (i) *между ними была стена (пропасть, ширма...) (= нас разделяла стена, (пропасть, ширма));*
 (ii) *расстояние между городами — 700 км (= города разделяет (*соединяет) расстояние в 700 км).*

2.1.2.1.2. Нелинейные

В рассматриваемых ниже случаях двойственное число МЕЖДУ проявляется другим способом, нежели это было в предыдущих примерах. В этих последних пары составляли точечные одиночные объекты. В примерах, рассматриваемых в данном параграфе, мы имеем дело с парами протяженных объектов, которые намечаются либо сплошными границами, либо дискретными объектами, образующими стороны коридора как бы пунктиром.

1) Локативные. ‘⟨Линейный объект X располагается/линейное действие Р происходит⟩ в коридоре, стороны которого ограничены протяженным(и)

объектом/объектами Y_1 , находящим(и)ся по одной стороне X , и протяженным(и) объектом/объектами Y_2 , расположенным(и) по другую сторону X' , например:

- (5) (i) *Тропинка петляла между деревьями (между деревьяев);*
- (ii) *Дорога шла между лесом и полем (*между леса и поля);*
- (iii) *Корабль шел между отвесными берегами фьорда (между отвесных берегов фьорда).*

2.1.2.2. Циркумлативные значения лексемы МЕЖДУ

В рассматриваемых в данном параграфе значениях интересующего нас предлога двойственное число уходит на задний план, на передний выходят места, свободные от разделяющих пространство объектов.

‘⟨Объект X находится/действие P происходит⟩ в местах, свободных от множества объектов Y , разделяющих пространство’, например:

- (6) (i) *А в лесу, между деревьяев (между деревьями), таился полк его личной охраны.* (В. Гроссман. НКРЯ);
- (ii) *Невесомые, они свободно плавали между деревьяев (между деревьями)* (И. Краева. НКРЯ);
- (iii) *...⟨Тем отчетливей становилось видно, что домов между деревьяев (между деревьями) нет* (В. Михальский. НКРЯ);
- (iv) *Между торгующими людьми ходил высокий худощавый мужчина* (В. Солоухин. «За синь-морями». НКРЯ);
- (v) *После расчесывания она аккуратно выбирала из щетки волосы, застрявшие между щетинками (между щетинок).*
- (7) (i) *Ему казалось, что он различает между деревьяев (между деревьями) в траве их белые неподвижные тела* (П. Н. Краснов. НКРЯ);
- (ii) *В синем просвете между деревьяев (между деревьями) четкие фигуры их казались внезапно выплывшими из тьмы;*
- (iii) *седой парк с просвечивающими между деревьяев (между деревьями) огнями* (А. А. Богданов. НКРЯ);
- (iv) *Карам ⟨...⟩ кинулся в сторону и замелькал между деревьяев (между деревьями)* (В. Ремизов. НКРЯ).

2.1.2.3. Обозначение отрезка условной шкалы

В значениях этого параграфа вновь появляется идея двойственности либо двух точек на шкале, либо двух отрезков шкалы с маркированными концом предыдущего и началом следующего. Пары здесь, кроме всего прочего, строго упорядочены.

2.1.2.3.1. Шкала времени

2.1.2.3.1.1. Конструкции с числительными

‘⟨Состояние/действие объекта P имеет место⟩ в пределах времени, ограниченного моментами t_1 и t_2 и $t_1 < t_2$ ’, например:

- (8) (i) *Человек современного типа сформировался между трёхсотым и двухсотым тысячелетиями (*между трёхсотого и двухсотого тысячелетия) до н. в.;*
 (ii) *Монтер придет между двумя и тремя часами дня.*

2.1.2.3.1.2. Конструкции с существительными, обозначающими период времени

‘<Состояние/действие объекта Р имеет место> в пределах отрезка условной шкалы времени, ограниченного концом/концами <временного отрезка> X_1 и началом смежного <временного отрезка> X_2 ’, например:

- (9) (i) *Между лекцией и заседанием кафедры оставался час;*
 (ii) *Между парами мы обычно ходили в буфет.*

2.1.2.3.2. Прочие типы шкал

‘<Состояние/действие объекта Р имеет место> в пределах отрезка условной шкалы, ограниченного точкой (концом/концами) X_1 и точкой/началом смежного <отрезка> X_2 ’, например:

- (10) (i) *рост преступника — между ста семьюдесятью и ста восьмьюдесятью сантиметрами;*
 (ii) *истина — между добром и злом;*
 (iii) *температура — между высокой и очень высокой.*

2.1.2.4. Взаимное паритетное действие двух и более объектов

‘Пара <субъектов, пара групп субъектов или несколько пар субъектов> $\langle X_1, Y_1 \rangle, \langle X_2, Y_2 \rangle \dots \langle X_n, Y_n \rangle$ осуществляют взаимное действие Р или находятся в паритетном отношении или состоянии Р’.

2.1.2.4.1. С анафорическим местоимением СОБОЙ (глагольные группы)

- (11) (i) *Они боролись (дрались, взаимодействовали, общались, спорили, конфликтовали, грызлись, обменивались (пластинками, мнениями), выясняли (отношения), конкурировали, говорили, соревновались, обсуждали (проблему), сцеплялись, переглядывались, спорили и т. д.) между собой (*между себя).*

Примечание. Конструкция [X и Y Р между собой] эквивалентна конструкции с реципроком [X и Y Р друг с другом], оформленной предлогом С. Лексема СОБОЙ в этой конструкции может быть кореферентна как первому актанту глагола, так и второму (см. пример (ii)).

- (ii) *Мальчишки травливали (знакомили, связывали, склеивали, соединяли, объединяли) их между собой.*

Примечание. Конструкция МЕЖДУ СОБОЙ недопустима в случаях, когда эквивалентная ей конструкция с реципроком ДРУГ ДРУГА употребляется не с предлогом С. Ср.: *орали друг на друга* vs. **орали между собой*; *любили друг друга* vs. **любили между собой*; *почитали друг друга* vs. **почитали между собой*.

2.1.2.4.2. Конструкции с субстантивными группами

2.1.2.4.2.1. Конструкции со словосочетанием МЕЖДУ СОБОЙ

При преобразовании глагола в подчиненный предикат запреты на сочетаемость с МЕЖДУ СОБОЙ сохраняются лишь частично. Ср.:

- (12) (i) *драка (борьба, взаимодействие, общение, спор, конфликт, грызня, обмен и т. д.) Васи и Пети между собой* vs. **ор(ание) Васи и Пети между собой*, **почитание Петра Ильича и Фоки Мокиевича между собой*;
- (ii) *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Евангелие от Иоанна 13:35, синодальный перевод. Ср. другие переводы этой фразы: *И если у вас будет любовь друг к другу, то всякий будет знать, что вы Мои ученики* (пер. World Bible Translation Center), *И если будет любовь между вами, все будут знать, что вы — ученики Мои* (пер. под ред. Кулаковых), *По этой взаимной любви в вас будут узнавать Моих учеников* (открытый перевод), *Все узнают, что вы Мои ученики, если вы будете любить друг друга!* (Слово Жизни)).

2.1.2.4.2.2. Прочие сочетания МЕЖДУ с субстантивными группами

При этом в сочетании МЕЖДУ с данным значением с субстантивными группами появляются новые возможности, а именно, актантные позиции могут быть оформлены сочетанием с этим предлогом:

- (13) (i) *драка (борьба, взаимодействие, общение, спор, конфликт, грызня, склока, обмен и т. д.) между Петей и Васей (= драка Пети и Васи друг с другом)*;
- (ii) *трагическая любовь между человеком и орком* (В. Пелевин. НКРЯ);
- (iii) *знакомство между Христофором и Кристиной* (НКРЯ);
- (iv) *согласия между различными категориями патриотов на счет Ленина не было* (НКРЯ);
- (v) *солидарность между властью и обществом*.

2.1.2.5. Глагольные конструкции со значением распределения

‘⟨Действие Р, такое что каждый элемент / подавляющее большинство множества M_1 получает часть элементов множества M_2 ⟩ таким образом, что не остается элементов множества M_2 , которые не были бы получены каким-либо элементом M_1 ’, например:

- (14) (i) *Деньги были поделены между членами семьи (*между членов семьи);*
 (ii) *распределение ролей между актерами труппы (*между актеров труппы);*
 (iii) *Он разрывался между двумя семьями (*между двух семей).*

Примечание. Для модели управления глагола РАСПРЕДЕЛИТЬ важно, идет ли речь об одушевленных или неодушевленных объектах. Ср.:

- (iv) *распределить корм между животными (*по животным) vs.*
 (v) *распределить шарики по ячейкам;*
 (vi) *распределить карточки по ящичкам.*

2.1.2.6. Значение лексемы МЕЖДУ в ситуации выбора

‘Действие Р может быть осуществлено с любым(и) объектом/объектами множества $M_1 = \{X_1 \dots X_n\}$, но в реальном мире — только с M_2 из M_1 , где $M_2 \subset M_1$ и субъект Р должен остановиться на тех объектах из M_1 , с которыми он совершит Р’ и никакие объекты, кроме тех, которые входят в M_1 , не входят в рассмотрение субъекта Р’, например:

- (15) (i) *Он выбирал между МГУ и воронежским университетом;*
 (ii) *Она никак не могла сделать выбор между Колей и Сережей;*
 (iii) *Он выбирает между картинками, которые хранит на память;*
 (iv) *Директор выбирал между одноклассниками трех-четырех сильных ребят и отправлял их на олимпиаду.*

2.1.2.7. Значение предлога МЕЖДУ в ситуации результатов сравнения

‘Различие/различия’ в парах объектов X_1 и X_2 , ... X_n и X_{n+1} , например:

- (16) (i) *Это самое существенное различие между мужчиной и женщиной (Л. Улицкая. НКРЯ);*
 (ii) *Мостовского удивляло различие между дневным и ночным Гарди (Л. Гроссман. НКРЯ).*

2.1.2.8. Значение предлога МЕЖДУ, эквивалентное значению предлога СРЕДИ

‘Объект Х находится/действие Р происходит в реальном или условном пространстве, ограниченном множеством объектов Y’, например:

- (17) (i) *[Владимир] занялся разбором бумаг покойного. — Между ними попался ему пакет с надписью: письма моей жены (А. С. Пушкин. Дубровский) (= Среди них попался ему..., в их числе попался ему...);*
 (ii) *Скажите, — спросила его Елена, — между вашими товарищами были замечательные люди? (И. С. Тургенев. Накануне) (= Среди ваших товарищей были..., в числе ваших товарищей).*

2.1.3. О модели управления предлога МЕЖДУ

2.1.3.0. Вводные замечания

В последней академической грамматике русского языка о предлоге МЕЖДУ говорится только, что он первообразный (а следовательно, морфологически простой) и что он альтернативно управляет двумя падежами: творительным и родительным [Грамматика 1980: 709]. Уже на основании приведенных выше примеров можно сказать, что этого для формулирования правил употребления указанного предлога, конечно, недостаточно. Прежде всего необходимо описать поверхностную и глубинную лексико-синтаксическую модель управления МЕЖДУ.

2.1.3.1. Глубинная модель управления предлога МЕЖДУ

Число валентностей описываемого предлога зависит от количества переменных в его толковании (см. по этому поводу [Апресян 1995: 119–120]). А в разных его толкованиях их разное количество. В тех случаях, когда древнее двойственное число предлога играет существенную роль в его толковании, он трехвалентен: первая валентность — на предикат (что происходит в месте X?), вторая и третья — на объекты, ограничивающие локус. В тех случаях, когда идея двойственности в толковании не играет никакой роли, предлог — двухвалентен: первая валентность — на предикат (что происходит в месте X?), вторая — на множество объектов, среди которых происходит действие или на множество объектов, вовлеченных в действие.

2.1.3.2. Поверхностная модель управления предлога

Валентность на предикат у предлога МЕЖДУ может заполняться как финитным глаголом, так и всеми формами зависимой предикации, например:

- (18) (i) *протиснулся между стеной и шкафом;*
(ii) *ухитрился протиснуться между стеной и шкафом;*
(iii) *Сам процесс протискивания между стеной и шкафом занял немного времени;*
(iv) *мальчик, протиснувшийся между стеной и шкафом;*
(v) *протискиваясь между стеной и шкафом...*

Вторая валентность может быть выражена творительным или родительным падежом мн. ч. Во мн. ч. их формы во многих случаях взаимозаменяемы. В ед. ч. для обозначения второго актанта используется только творительный падеж. Распределение между двумя этими падежными формами мн. ч. носит довольно сложный характер, требующий отдельного исследования, не входящего в мои цели (примеры см. выше). Для обозначения третьего актанта предлога в подавляющем большинстве случаев используется конструкция с союзом И. Хотя и редко, но все же встречаются случаи использования квазикомитативных конструкций. Ср.:

- (19) (i) *Завтра между нами с тобой будут поставлены все точки над «i»* (В. Черкасов. НКРЯ);
 (ii) *Той простоты в отношениях, как между нами с ним, — с ней не было* (Т. Л. Щепкина-Куперник. О Чехове. НКРЯ);
 (iii) *В самой ранней нашей юности между нами с Висленевым обнаружались непримиримые и несогласимые разности во взглядах и симпатиях* (Н. С. Лесков. На ножах. НКРЯ);
 (iv) *Что произошло между вами с Полиной?* (И. Э. Гейнце. Коронованный рыцарь. НКРЯ).

Множественная референция как в случаях трехвалентного, так и в случаях двухвалентного МЕЖДУ строится следующими способами: существительным с показателем собирательной множественности ед. ч., существительным с показателем мн. ч. в творительном или родительном падеже, существительным в творительном падеже ед. ч. в сочетании с конструкцией с союзом И, существительным в творительном падеже в сочетании с конструкцией с союзом И. Иногда встречаются также случаи, когда множество объектов, участвующих на одной стороне взаимодействия обозначаются комитативной конструкцией, а противостоящие стороны — словосочетанием с союзом И. Примеры на редкие способы обозначения множества:

Обозначение множества с помощью собирательного существительного в ед. ч.:

- (20) (i) *А там, между бабьем, и Макридина лисья рожка виднеется* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. НКРЯ);
 (ii) *На чердаке, над квартирой, со зловецим топотом они лазили всюду, сгибаясь между теплыми трубами, между бельем, и забили слуховое окно* (М. А. Булгаков. Белая гвардия. НКРЯ);
 (iii) *Убийца искал деньги между бельем и тщательно его пересмотрел* (А. Ф. Кони. Иван Дмитриевич Путилин. НКРЯ);
 (iv) *Какое же общество может быть между мужичьем?* (Н. В. Гоголь. Мертвые души. НКРЯ);
 (v) *Отец Панишина <...> весь свой век терся между знатью* (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо. НКРЯ).

Обозначение множества с помощью собирательного существительного во мн. ч.:

- (21) (i) *С величайшим удовольствием согласился бы наш герой пролезть теперь в какую-нибудь мышиную щелочку между дровами* (Ф. М. Достоевский. Двойник. НКРЯ);
 (ii) *Впрочем, он объяснил это тем, что ужасно боится кошек, которых множество ползает между дров* (А. Н. Толстой. Похождения Невзорова, или Ибикус. НКРЯ).

Обозначение сторон, вовлеченных в действие, с помощью комитативных конструкций:

- (22) *Конфликты между мужем с сыном и мной с нашей дочерью возникали обычно на бытовой почве.*

2.2. Морфолого-синтаксическая структура грамматических композитов с {МЕЖД}

2.2.0. Теперь поговорим о моделях управления полученной с помощью рекурсивной операции изменения таксономического статуса (РОИТС, см. о ней ниже) и конверсии проклитической словоформы и составляющих ее морфем. Субстантивный корень {МЕЖД} может участвовать в морфолого-синтаксических конструкциях грамматических композитов¹⁰ двух типов:

- 1) $[[\{МЕЖД\} + \{O\} + \{RB_{subst}\}] + \{Suf_{subst}\}] + \{F\}$, где {O} — коннектор, {RB_{subst}} — корневая субстантивная база, Suf_{subst} — субстантивный суффикс, а {F} — флексия, например *междоузлюе*.
- 2) $\{МЕЖД\} + \{O\} + \{RB_{verb}\} + \{Suf_{subst}\} + \{F\}$, где {RB_{verb}} — корневая глагольная база, например *междометуе*.

Конструкции обоих типов не являются в русском языке продуктивными и представлены единичными примерами.

2.2.1. Морфолого-синтаксическая конструкция типа $\{МЕЖД\} + \{O\} + \{RB_{subst}\} + \{Suf_{subst}\} + \{F\}$

Рассмотрим морфолого-синтаксическую структуру конструкций этого типа на примере словоформы *междоузлие*. Его значение — ‘часть W (объекта) X, локализованная в пространстве, ограниченном узлами Y и Z’. Все известные нам словари позиционируют лексему, которую представляет рассматриваемая словоформа, как ботанический термин, где корень {УЗЕЛ} обозначает место на стебле, к которому прикреплены листья. Однако благодаря многозначности указанного корня термин этот используется и в других науках, например в кристаллографии, где под узлом понимается ячейка кристаллической решетки, в которой может разместиться атом

¹⁰ Под грамматическим композитом будет пониматься морфолого-синтаксическая конструкция, построенная из двух и более корневых основ, между которыми располагается коннектор, отменяющий границу между основами, заменяющий флексии всех основ, кроме последней, и содержащая одну флексию, «обслуживающую» всю конструкцию целиком. Например, *хороводоакцфилдофобдоим.ед.* — грамматический композит, так же как и *капитанконнект.лейтенантдоим.ед.*, поскольку в этих конструкциях соблюдены все условия грамматичности композита, а *пятидесяти* таковым не является (здесь две флексии и, соответственно, две словоформы; это акцентный композит), равно как и *[двухметр]_{F→O-WG→B(Subst)}довый*, где также две флексии (это, как это видно по скобкам, композит, построенный с помощью специальной операции, о которой речь пойдет ниже).

кристалла. Вместе с тем при отклонениях от идеальной структуры атом может находиться вне ячейки, т. е. в междоузлии, и называется междоузельным (структуру адъективной конструкции со словообразовательной базой *междоузел*+ мы рассмотрим позже). Термин МЕЖДОУЗЕЛЬНЫЙ используется и в анатомии, где узлами называются элементы сочленений (позвонки, кости ног, рук, сосуды, нервы) (ср. *Жидкость в этом пространстве (в пространстве между позвонками или суставами), называемая междоузельной жидкостью, состоящей из внеклеточной жидкости и ее растворенных веществ...*), и в строительстве, где узел обозначает сочленение деталей (ср. *определение междоузельного расстояния*).

В железнодорожной терминологии эпизодически используется лексема МЕЖДОУЗЛИЕ, где {УЗЕЛ} обозначает пункт пересечения нескольких железнодорожных линий.

Вполне возможны и другие использования этой лексемы, например для обозначения промежутка между узлами в кипу или просто для обозначения части нити, веревки или каната между смежными узлами на них.

Вершинным компонентом морфолого-синтаксической конструкции словоформы является суффикс {И}, у которого довольно много значений, распределенных относительно контекста: он может обозначать второй актант действия, например *наследие* ('то, что наследуется/унаследовано'), 'признак объекта / черта характера', например *жизнелюбие*, 'место' (часто сужаемое значение), например *предместье* (где корень {МЕСТ} обозначает 'город' (ср. МЕСТЕЧКО, например, в пушкинском «Выстреле»: *Мы стояли в местечке ****)), 'район, примыкающий к городу', 'промежуток времени', например *тысячелетие*, и т. д. Значение 'часть X (объекта) Y' у суффикса {И}, кроме лексемы МЕЖДОУЗЛИЕ, можно найти, например, в существительном *предсердие*, где {ПРЕД} — неточный перевод латинского *atrium* 'передняя, гостиная, первая комната от входа', полное толкование — 'передняя часть сердца'. Корень в этой конструкции, как и в некоторых других (ср. *сердобольный*), обходится без пустого суффикса {Е₄Ц}. Глубинная морфолого-синтаксическая структура основы этой словоформы выглядит следующим образом:

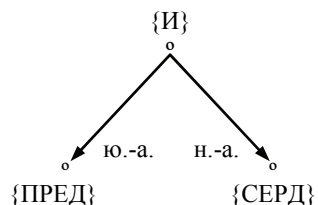

Схема 1

По правилам глубинно-синтаксическая конструкция такого типа должна оформляться как грамматический композит, т. е. с помощью коннектора

{О} и адъективизатора {Н}: *переднесердие (ср. *переднежаберный, передне-небный, переднеязычный*). Однако в конструкциях с суффиксом {И} и его синонимом {J} {ПЕРЕД}, и особенно его неполногласный синоним {ПРЕД}, воспринимается как предлог¹¹ (ср. *преддверие, предместье, предвестие, предвечерие, предвесенье, предосенье, предзимье, предгорье, предгрозые, предмостье, предплечье, предновогодье*) и объединяет эту конструкцию с аналогичной, очень продуктивной конструкцией (построенной с помощью РОИТС), в которой сочетание предлога с существительным лишается субстантивной флексии, понижается в ранге до основы и присоединяет к себе суффикс {И} или его синоним {J}: *бесплодие, подножие, бессоюзие, безначалие, междуначалие, бессилие, безволие, бессмыслие, бесхлебье, надлобье, безрыбье, надбровье, межбровье, безводье, бездождье, безлюдье, междурядье, приовражье, безденежье, бесснежье, прибрежье, побережье, бездорожье, подстожье, подглазье, междуглазье, предгрозые, безделье, подземелье, похмелье, бездолье, заполье, предполье, подполье, застолье, подстолье, зазимье, бездумье, подстепье, надворье, нагорье, подгорье, угорье, заполярье, поднебесье, залесье, подлесье, подперсье, надхвостье, междупутье, заплечье, предплечье, запечье, заречье, приречье, междуречье* и т. д. (см. подробнее [Барулин 2018: 69–73]). В угоду аналогии с продуктивной конструкцией для оформления глубинной морфолого-синтаксической структуры средствами поверхностного морфологического синтаксиса выбирается не нормативный способ преобразования глубинной структуры в поверхностную, а «аналогический». Полученная конструкция по правилам должна толковаться как ‘локация, предстоящая сердцу, или объект, непосредственно примыкающий к сердцу спереди’ (т. е. при входе в сердце). Это — причуда языка. В результате получаем близкое к нормативному, но все же другое, теперь уже идиоматизированное толкование основы (см. выше). Поверхностная морфолого-синтаксическая структура словоформы *предсердие* выглядит следующим образом:

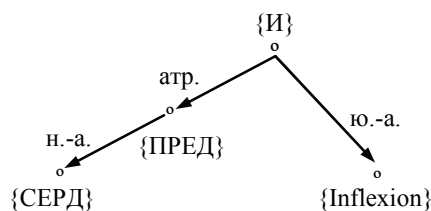

Схема 2

¹¹ С точки зрения морфологии субстантивный корень {ПЕРЕД} и клитика *перед* соотносятся друг с другом точно так же, как субстантивная корневая морфема {МЕЖД} и преобразованное с помощью РОИТС сочетание проклитического морфа с флексией локатива двойственного числа [$\{ \text{МЕЖД} \}_{R \rightarrow \text{Procl}^+ \{ \text{У} \}}_{\text{Subst} \rightarrow \text{Prep}}$].

Вернемся к *междоузлию*. Морфолого-синтаксическая структура этой конструкции выглядит сходным образом. В вершине конструкции находится суффикс {И}, валентный на внешний по отношению к основе субстантив ('часть' чего?). Субстантивный корень {МЕЖД} не валентен на {И}, валентен только на {УЗЕЛ} и предикат, который в структуре основы в эксплицитном виде отсутствует. Тем не менее {МЕЖД} синтаксически связано с {И}. По классификации морфолого-синтаксических связей, представленной автором в работе [Барулин 2019], два субстантивных морфа, не валентных друг на друга, связываются атрибутивным отношением, т. е. таким, при котором ни один из членов синтаксически связанной пары не валентен на другой, и оба они заполняют валентности предиката, составляющего содержание синтаксической связи и подчиненного вершинному члену пары, в данном случае этим предикатом является «локатив» 'находиться'. По правилу Базелла [Тестелец 2001: 82] определяем главный и зависимый член синтаксически связанной пары. Для этого ставим эксперимент: вставляем конструкцию в синтаксически правильное предложение с эксплицитно выраженным предикатом, валентным на всю пару, например: *По мере роста стебля междоузлия удлиняются. Удлиняться* — одновалентный предикат, валентный на всю конструкцию, а конкретно — на морф, обозначающий интенциональный компонент 'часть X (объекта) Y', его обозначает морф и. Перефразируем это наблюдение: морфосочетание *межд*-attr—и пассивно валентно на глагол *удлиняется*, и морф и пассивно валентен на тот же глагол. Пассивные валентности всего морфосочетания совпадают с пассивными валентностями и, из чего следует, что и в паре является главным, а *межд* — зависимым. Теперь подчиняем интенциональный предикат синтаксической связи 'находиться' интенциональному компоненту морфа и и получаем производное толкование пары 'часть W объекта X, находящаяся в пространстве, ограниченном (объектами) Y и Z'. Поскольку *межд* валентен на парный, множественный объект, подставляем вместо семантики валентного места «(объектами)» интенциональный компонент морфа узл: 'часть W объекта X, ограниченная узлами Y и Z'.

2.2.2. Морфолого-синтаксическая конструкция типа

$$\{ \text{МЕЖД} \} + \{ \text{О} \} + \{ \text{RV}_{\text{verb}} \} + \{ \text{Suf}_{\text{subst}} \} + \{ \text{F} \}$$

Рассматриваемая конструкция представлена в русском языке всего одной лексемой — МЕЖДОМЕТИЕ. Это, как известно, изобретенный Мелетием Смотрицким лингвистический термин, представляющий собой кальку с латинского *interjectio* 'введение, вставка, междометие, вводное предложение, промежуточное время' от глагола *jasio*, имеющего, в частности, значение 'нечаянно произнести'. С префиксом *inter* имеется и глагол *interjicio*, который, в частности, обозначает 'вводить в речь'. Смотрицкий так определяет этот термин: «Междометіе есть часть слова нескланяемаа содержащаа в себѣ словеса смысла страсть изавлающаа и междоу прочаа

слова части *вмѣтаемаа*» [Смотрицкий 2000: 388]. С морфологической точки зрения в значении морфем нет предпосылок для обнаружения в значении всей конструкции таких интенциональных компонентов, как 'несклоняемый', 'обозначающий боль, страдание, похоть', 'часть речи', из чего следует, что перед нами идиома. Однако, как уже отмечалось (см. [Барулин 2019: 51]), идиоматичность языковой единицы совершенно не отменяет наличия у нее синтаксической структуры. Корень {МЕТ} в основе этой лексемы выступает как трехвалентный предикат (кто мечет? что мечет? и куда?). Суффикс {И} и его синоним {J} при глагольном корне, как уже было отмечено, обозначает либо процесс, как, например, в словоформе *пение*, либо второй актант переходного глагольного корня, как, например, в конструкциях типа *изделие* или *питие/питьё*, либо первый актант переходного глагольного корня, как, например, в морфологической конструкции типа *благование*. В данном случае {И} обозначает второй актант переходного глагольного корня, 'то, что мечут' или, как написано у М. Смотрицкого, *вметають*. Корень {МЕЖД} в этой конструкции заполняет третью валентность корня. Валентности самого этого корня остаются не только не заполненными, но и неопределенными с точки зрения того, чем, собственно, их можно было бы заполнить. Как известно, у каждого валентного места есть своя семантика, накладывающая ограничения на морфемы и лексемы, которые по правилам могут заполнять аргументные места. Она может быть шире или уже семантики языковой единицы, заполняющей валентность. У трехвалентного корня {МЕТ}, выступающего в роли основы глагола МЕТАТЬ, нет таких значений, которые касались бы речевых действий и не были бы метафорой, метафора же должна быть всегда эксплицирована: например, в предложениях *Он метал в него слова обвинения, будто кинжалы*; *Можно только метать безадресные проклятия в небеса* (НКРЯ); *а юнкер Достоевский, настигая, метал, как дротик: «Шиллер! Шиллер!»* (НКРЯ); *Я буду сочинять гимны родине и метать стихотворные и прозаические молнии в ее врагов* (НКРЯ). В случае эксплицитно не заполненных валентностей значения валентных мест остаются неопределенными, что нарушает правила синтеза сложных интенционалов из простых. Таким образом, термин М. Смотрицкого в русском лингвистическом подязыке как идиома прижился, но морфолого-синтаксическая конструкция, построенная с нарушениями правил синтеза сложных интенционалов, не имела никаких шансов как-то угнездиться в современном русском языке. Вот как выглядит морфолого-синтаксическая структура основы термина:

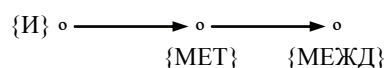

Схема 3

2.3. Конструкции с МЕЖДУ, построенные с помощью РОИТС

В последней академической грамматике русского языка [Грамматика 1980], не признающей ни клитик в качестве отдельного конструктивного класса морфем, ни операций в качестве материала для построения означающих, морфологические конструкции с МЕЖДУ трактуются как префиксальные (§§ 507, 694, 727), т. е., например, в словоформе *междуречье* МЕЖДУ — префикс. Префиксом же считается и *междо-* в *междоузлие*. Формулируется это так: «В *междоузлие* (спец.) префикс принимает форму *междо-*». Никаких разумных объяснений переходу /у/ в /о/ В. В. Лопатин, писавший данный раздел, не дает. Между тем ни фонологических, ни морфологических условий для этой замены нет, из чего следует, что никакого чередования здесь постулировать нельзя.

В статье [Иткин, Пекарская 2017] предлагается другое объяснение выбора из *междооо* и *междоуу*. Оно также опирается на соображения сочетаемости фонем:

«Если оставить в стороне старый искусственно созданный термин *междомотие*, во всех остальных случаях использование вариантов *междо-* и *меже-* обусловлено стремлением избежать стыка двух гласных у. В то время как вариант *меже-* встречается только перед корнем *-ум-*, модель “*междо- + у...*” опять-таки способна окказионально проявлять продуктивность, ср. пользующийся некоторой популярностью в Интернете (примечательным образом, не только русском, но и болгарском (!)) иронический неологизм *междоушие* “мозги, пространство между одним и другим ухом”.

Запрет на сочетание двух у не является абсолютно строгим: основа *междоусоб-* встретилась в НКРЯ 1483 раза, основа *междоусоб-* — 121 раз; наряду с *междоушие* в Интернете попадает и вариант *междоушие*» [Иткин, Пекарская 2017: 438].

Не буду вступать с авторами этого наблюдения в сложную полемику. Замечу только, что если бы данное утверждение было верным, оно проявлялось бы и в композитах с другими основами. В качестве опровергающего примера приведу конструкции с корневой морфемой {ДВ}: ДВУУГЛЕКИСЛЫЙ, ДВУУГОЛКА, ДВУУСТКА, ДВУУСЫЙ, ДВУУТРОБКА. Во всех этих лексемах сочетания двух /у/ можно было бы вполне избежать, используя образованную с помощью янтарного оператора (см. о нем ниже) более продуктивную конструкцию с полной словоформой родительного падежа лексемы ДВА — *двух* — в качестве первого компонента композитов (ср., например, *двухатомный*, *двухкомнатный*, *двухмоторный*, *двухэтажный*, *двухуровневый*): *двухуглекислый*, *двухуголка*, *двухустка*, *двухусый*, *двухутробка*. Однако соотношение частотности словоформ *двууглекислый* и *двухуглекислый* в Яндексe — 112 млн. : 320, частотные характеристики словоформ *двууголка* и *двухуголка* — 7000 : 2000, *двуустка* и *двухустка* — 3000 : 248, *двуусый* и *двухусый* — 5000 : 2000, *двуутробка* и *двухутробка* — 5000 : 12. Количественно преобладают упомянутые лексемы с двумя /у/ над лексемами с разделяющим их /х/ и в НКРЯ. О каком же запрете здесь может идти речь?

Это соображение говорит о том, что причина смены /y/ на /o/ не имеет никакого отношения к сочетаемости фонем. Причина кроется не в фонологических, а в морфологических правилах, причем совершенно очевидных. Мы имеем здесь дело с разными суффиксами с двумя разными означающими: как уже неоднократно указывалось, с древним показателем локатива двойственного числа {У}, не утратившим ни своего морфологического, ни семантического статуса¹², и с коннектором {О}, функции которого были подробно описаны в [Барулин 2017]. А замена одной морфемы на другую связана с выбором двух разных морфологических конструкций: непродуктивной конструкции с коннектором, используемой в сочетании с очень ограниченным числом корневых морфем, и продуктивной конструкции, в которой используется не корень, а полная словоформа *между*. Основной функцией коннектора является устранение флексии и отмена границы словоформы. Именно поэтому в конструкциях с его участием при {МЕЖД} исчезает флексия {У} и две корневые основы «сплавляются» в основу одного грамматического слова. Наличие же упомянутой флексии в *междуречье* говорит нам о том, что основа словоформы образована другим механизмом. Это другая морфологическая конструкция, которая не может быть адекватно описана теоретическим аппаратом традиционной морфологии.

Для описания подобного рода конструкций в работе [Барулин 2018: 69 и далее] я ввел понятие **рекурсивной операции изменения таксономического статуса (РОИТС)**. Как указывается в упомянутой статье, РОИТС представляет собой класс упорядоченных цепочек операций, главная из которых состоит в изменении таксономического статуса языковой единицы. Как и всякая операция, она состоит из аргумента, над которым она производится, инструкции, в которой указывается, что нужно сделать с аргументом, чтобы получить нужный результат, и сферы действия операции. Аргументом РОИТС может быть любая языковая единица от фона до предложения. И в этом состоит главная ее особенность. Действие ее состоит в том, что она меняет статус яруса данной единицы. Конечной целью операции является преобразование исходной единицы в словообразовательную базу.

Так, в морфологической конструкции *aʔkʔaʔnʔjʔe* РОИТС повышает статус фона *\a* с заменой *\a* на *\a* до связанной корневой морфемы (*[\a\]_{phone} → {a}*) с определенной синтактикой и семантикой ('замена в безударном слоге после твердых согласных архифонемного¹³ [O] на фонологическое /a/'), затем к новообразованному корню по известным правилам присоединяется глагольный суффикс {K} с последующим присоединением отглагольных именных суффиксов. Результат действия РОИТС по построению вновь создаваемой словообразовательной базы я буду назы-

¹² Рассуждение о вопросах семантики и статуса означающего отдельного морфа сегмента /y/ см. выше.

¹³ О понятии архифонемы см. [Барулин, Шведова 2019].

вать далее **янтарной конструкцией** (в работе [Барулин 2018] подобный результат был назван клубной системой, или клубом¹⁴; однако, как мне было справедливо указано одним из рецензентов статьи, клубной системой В. Б. Борщев и М. В. Хомяков назвали математический конструкт, лингвистический конструкт должен получить другое название). В приведенном примере янтарной конструкцией является вновь образованная морфема $\{[a]\}$ с приписанной ей семантикой и синтактикой. Следует специально отметить, что РОИТС отличается от конверсии тем, что при конверсии происходит преобразование исходной единицы в однородную с ней другую единицу: одной части речи в другую, морфа одного конструктивного класса в морф другого конструктивного класса, РОИТС же, как было сказано, производит межъярусные преобразования — фонему преобразует в морф, словосочетание в словообразовательную базу, предложение в словообразовательную базу.

В морфологической конструкции $в\Phi\mathbf{y}\otimes\kappa\otimes a\Phi\mathbf{t}\mathbf{ь}$ словоформа $[в\Phi\mathbf{y}]_{WF \rightarrow B}$ понижается в ранге до основы с определенной синтактикой и семантикой ('X обращается к Y излишне вежливо'). Янтарной конструкцией в указанной словоформе является $[в\Phi\mathbf{y}]_{WF \rightarrow B}$. А в собственном имени *Ненейвода* в предложении $[He\#ne\Phi\mathbf{y}\#\#вод\Phi\mathbf{y}]_{Fininfl \rightarrow \Lambda \#\# \rightarrow +} \rightarrow [ne\#ne\Phi\mathbf{y}\#\#вод]_{SNT \rightarrow B\Phi infl(FinB)} \rightarrow [ne\#ней\#\#вод]\Phi a$ отсекается последняя флексия (Fininfl), полученное выражение в метаязыке берется в скобки для обозначения границ аргумента, усеченное предложение понижается в ранге до основы и затем к полученной основе присоединяется нужная в данном контексте флексия из набора флексий, которого требует последняя словообразовательная база (в данном случае — $\{ВОД\}$). Янтарной конструкцией словоформы является: $[ne\#ne\Phi\mathbf{y}\#\#вод]_{SNT \rightarrow B\Phi infl(\{ВОД\})}$.

Наличие показателя лексико-синтаксической связи, флексии, в «теле» морфолого-синтаксической конструкции основы, — первый признак того, что ее адекватное описание может быть осуществлено только с помощью РОИТС. Если признать, что *между* в этой словоформе префикс, то а) невозможно будет объяснить, почему в *междоузлие* этот префикс ведет себя как корень: префиксам не нужен никакой коннектор для присоединения их к корневой морфеме, б) невозможно будет объяснить, почему к префиксу присоединена флексия (например, в $[межд\Phi\mathbf{y}\#\#реч]ьe$): к префиксам флексии не присоединяются.

¹⁴ Термин происходит из предложенных в 1976 г. математиками В. Б. Борщевым и М. В. Хомяковым терминов «клуб» и «клубная система» (см. [Борщев, Хомяков 1976]). Авторы указанной статьи разработали формальный аппарат для описания графов, в которых узлы могут представлять собой автономную субструктуру, элементы которой могут быть связаны синтаксически с элементами структуры данного уровня. Такие узлы в указанной выше работе и называются клубами — по аналогии с элементами структуры английского клуба, членом которого могли быть не только отдельные люди, но и организации.

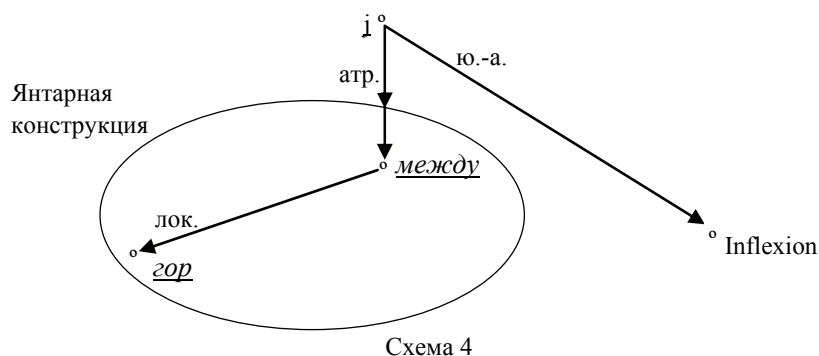
В образованиях, которые выше были названы янтарными, конструкции, возможные только на других, нежели морфолого-синтаксический, ярусах, с точки зрения морфологического синтаксиса неанализируемы. В поверхностной морфолого-синтаксической конструкции они могут занимать только один узел, но этот узел, в отличие от обычных морфолого-синтаксических узлов, сложный, поскольку имеет собственную внутреннюю структуру. Они как бы обволакиваются специальным невидимым материалом как результат действия не оставляющего следов оператора. Их иносюсная структура нам видна, именно благодаря ее осознанию нам понятно ее содержание, но ее иносюсные функции в морфолого-синтаксической конструкции отменены или изменены, прозрачному сложному узлу формально приписана другая синтактика, он приобретает функции неделимой единицы, а именно статус корневой словообразовательной базы, к которой можно присоединять различные аффиксы и которая должна стать порядковым центром фонетического слова. Внутри вновь образованной базы синтаксические связи по-прежнему оформляются, как в лексическом синтаксисе, поэтому там присутствуют флексии, однако у последней основы, как правило, флексия отсекается¹⁵. При всем этом синтаксическая конструкция янтарной базы подсоединяется к прочим морфемам словоформы «на общих основаниях».

Рассмотрим морфолого-синтаксическую структуру словоформы *междугорье*. Ее толкование — ‘место X, <находящееся> в пространстве, ограниченном горами Y и Z’ или ‘место/места X, находящееся/находящиеся в пространстве, свободном от разделяющих его гор Y₁, ..., Y_n’. Интенциональный компонент ‘место X’ обозначается морфом *ј* (ср. то же значение этого суффикса в других словоформах, образованных с помощью РОИТС: *надбровье*, *надглазье*, *прибрежье*, *приовражье*, *подземелье*, *междуречье* и т. п.). Интенциональный компонент ‘в пространстве, ограниченном <объектами> X и Y’ обозначает клитическая словоформа *между*, и, наконец, интенциональный компонент ‘горами’, которому мы не будем здесь давать развернутого толкования, обозначает морф *гор*. Отмечу, морф этот в данном контексте однозначно обозначает множественный объект, несмотря на отсутствие в структуре конструкции показателя множественности. Этот эффект обеспечивается семантикой множественности соответствующего

¹⁵ Ср., например, [двѳуѳх##этаж]ѳнѳый, где сохраняется тематический морф *ѳ* и флексия родительного падежа {X}, чего в принципе достаточно для того, чтобы показать, что словосочетание *двух этажѳей* должно стоять в родительном падеже. У последней словоформы отсекается флексия, что должно продемонстрировать результат действия янтарной операции (РОИТС). Тот факт, что флексия в таких конструкциях отсекается только у последней словоформы, можно продемонстрировать на примере, где подобные основы состоят из более чем двух словоформ, например:

[двѳуѳх##сотѳО_{род.п.}##нятѳи##десятѳи##трѳ’ѳѳх##этаж]ѳнѳый.

валентного места предлога, что еще раз доказывает: итоговая семантика лексемы, заполняющей валентность предиката, складывается в результате взаимодействия семантики валентного места и семантики лексемы¹⁶. Компонент 'находящийся', взятый нами в угловые скобки, составляет семантику морфолого-синтаксической связи, которая относится в данном случае к классу атрибутивных, т. е. таких, при которых ни один из членов синтаксически связанной пары не валентен на другой, но оба они заполняют валентности предиката, составляющего содержание морфолого-синтаксической связи. Предикат этот в глубинной морфолого-синтаксической структуре должен быть подчинен вершинному члену пары. По правилу Базелла определяем главный и зависимый член в парах и получаем поверхностную морфолого-синтаксическую структуру словоформы:

Фрагмент, обведенный овалом, представляет собой не анализируемый с точки зрения морфологического синтаксиса узел морфолого-синтаксической структуры словоформы, узел, имеющий собственную сложную структуру, оформленную показателями синтаксической связи, используемыми в лексическом синтаксисе. Особенностью данной морфолого-синтаксической структуры, образованной с помощью РОИТС, является способность словоформ янтарной конструкции вступать в синтаксическую связь с не входящими в нее морфами основы через вершинный компонент¹⁷. Этой проницаемостью морфолого-синтаксических связей в лексико-синтаксический узел объясняется синонимичность конструкций с коннектором {O} типа *междоузлия* и конструкций, построенных с помощью РОИТС, типа рассмотренной выше. В глубинной морфолого-синтаксической структуре, где уже не отмечается различие в способе оформления синтаксических связей, эти два типа структур будут выглядеть одинаково (см. схему 5):

¹⁶ Впервые этот факт был отмечен в [Барулин 1977: 15].

¹⁷ Этого, например, не происходит в янтарных конструкциях императивного типа: [не#за@бу@д]@к@а, [держ@и##дерев]@о, [не#не@й##вод]@а, [через#за@бор@О_{вин.п.}##ног@у##за@дер@и]@и@ен@к@о.

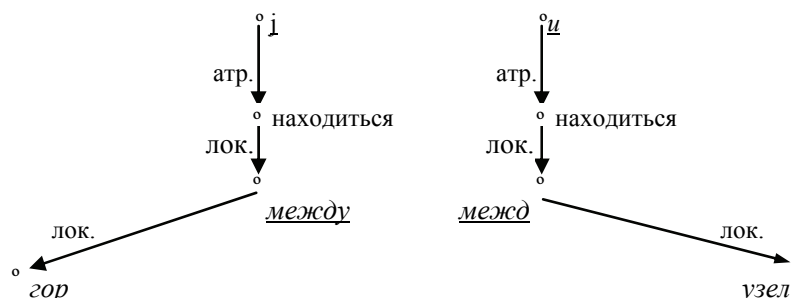

Схема 5

Точно так же выглядят поверхностная и глубинная морфолого-синтаксическая структура всех предложных янтарных конструкций с пространственным значением: *междубровье, междуглазье, междупутье, между-речье, междурядье* — и образованные с помощью РОИТС прочие конструкции с пространственными предлогами: *надбровье, приовражье, побережье, подстожье, подглазье, подземелье* и т. д.

Рассмотрим теперь адъективную конструкцию, образованную с аналогичной янтарной базой, например словоформу *междуэтажное (перекры-тие)*. Она толкуется так: 'X, такое, что X помещается/находится в пространство/е, ограниченное/м двумя (смежными) этажами Y и Z'. В отличие от предыдущего случая, в качестве атрибута *между* здесь выступает не суффикс, формирующий вершину основы, а отдельное существительное, на которое сам предлог не валентен, он, как это было указано в описании модели управления предлога, валентен на предикат, моделирующий ситуацию, имеющую место в 'пространстве, ограниченном двумя объектами, Y и Z'. Этот предикат в рассматриваемой словоформе обозначается суффиксом {Н}, в общем случае имеющим общее значение неопределенного предиката Р, уточняемого по эксплицитно выраженным морфам, заполняющим его валентности. В нашем случае — по локативному значению первого валентного места предлога *между*, которое сужает значение предиката до 'находиться' или его каузатива (директива) 'каузировать находиться' (= 'помещать'). {Н}, таким образом, обеспечивает наличие у основы валентности на существительное, что должно быть отражено в его модели управления, и на предлог, связывая вершину янтарной базы (*между*) и вершинное в словосочетании (например, *междуэтажное перекрытие*) существительное.

Словоформа *этажами* в исходном аргументе РОИТС, как и словоформа *горами* в исходном аргументе *междугорья*, сокращается на флексию, сохраняя при этом и семантику синтаксической связи между предлогом и субстантивным корнем, и семантику двойственного числа, до которого сужается значение множественности, благодаря семантике валентного места предлога. С помощью правила Базелла определяем главные и зависимые в парах и получаем аналогичную предыдущей структуру (см. схему 6).

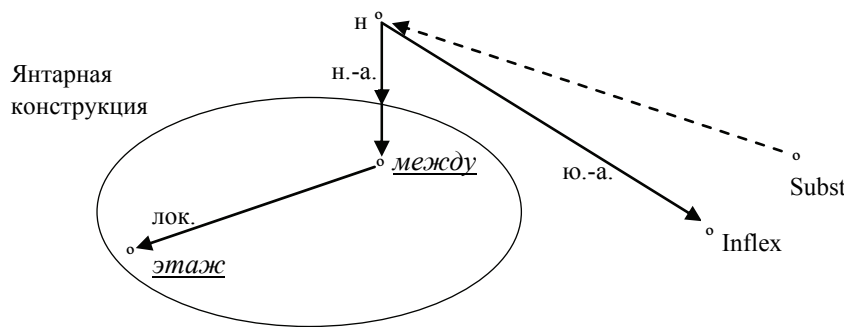

Схема 6

Выше уже упоминалось, что наряду с существительным *междоузлие* имеются прилагательные *междоузельный* (например, *междоузельный дефект*, *междоузельный ион*, *междоузельный атом*, *междоузельное пространство*, *междоузельная диффузия*, *междоузельный механизм диффузии*) и *междоузловой* (например, *междоузловой срез лозы*, *междоузловой черенок*, *междоузловые перегородки*, *междоузловой механизм диффузии*). Проанализируем первую из этих словоформ. Она толкуется так: «(объект X), такой, что X помещается/находится в пространство/е, ограниченное/м двумя (смежными) узлами Y и Z». Так же как и в словоформе *междоэтажный*, {Н} обозначает здесь предикат «находиться» или его каузатив. И точно так же атрибут корня {МЕЖД} обозначается отдельным существительным (например, *атом* в словосочетании *междоузельный атом*). Морфема {Н} валентна на это существительное и на корень {МЕЖД}, интенционал которого в точности совпадает с таковым предлога МЕЖДУ: «в пространство/е, ограниченное/м объектами X и Y». Убедиться в том, что {Н} в основе является вершинным компонентом конструкции, можно с помощью чисто морфологического рассуждения: флексия в словоформе определяется морфолого-синтаксической вершиной основы. Здесь она адъективная, а во всей конструкции адъективным является только морф н. Следовательно, именно он и определяет тип флексии, следовательно, именно он и является вершинным. К такому же выводу мы пришли бы, если бы в экспериментальном порядке ввели в словосочетание внешний предикат, валентный на всю основу и на вершинный компонент, таким внешним предикатом мог бы быть, например, союз И, вводящий однородную конструкцию, например *междоузельный и узловой атомы*. Однородными здесь являются прилагательные, следовательно, И валентен на морфему, превращающую всю основу в адъективную, а ею может быть только {Н}. Синтаксическая структура словоформы *междоузельный* показана на схеме 7¹⁸.

¹⁸ Пунктирной стрелкой помечено лексико-синтаксическое отношение.

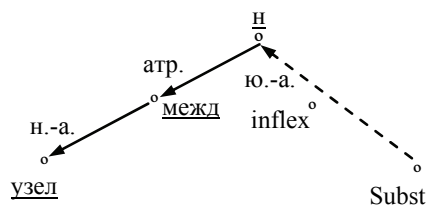

Схема 7

Как и в предыдущем случае, в глубинной структуре различия между янтарной конструкцией и морфосочетанием корня {МЕЖД} и субдоминантного члена конструкции в композите нивелируются. Это приводит к тому, что в глубинной структуре обе конструкции выглядят идентично (схема 8).

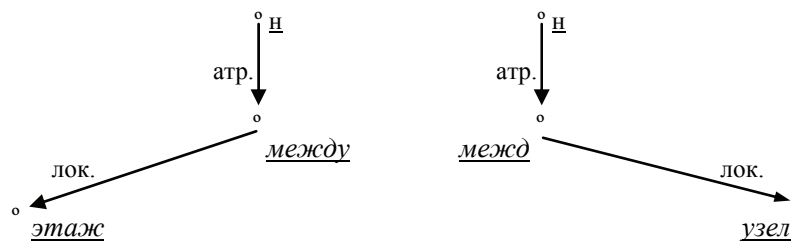

Схема 8

Словоформы типа *междугородный* образованы с помощью РОИТС по той же схеме, которая рассмотрена выше: у словосочетания *между городами* отсекается последняя флексия, полученное выражение понижается в ранге до субстантивной основы [между##город], к которой далее присоединяется адъективный суффикс {Н}, а к нему — флексия. Морфолого-синтаксическая структура этого образования выглядит точно так же, как и структура словоформы, рассмотренной выше. Единственное, что здесь меняется, — значения предлога, которые, впрочем, чаще всего не выходят за пределы приведенного выше списка.

Пространственные.

(2.1.2.1.1. Линейные и плоскостные)

1. Локативные. '⟨Действие/состояние/объект⟩ Р ⟨имеет место/находится⟩ в пространстве, ограниченном одной или несколькими парами ⟨объектов⟩ (X₁, Y₁), (X₂, Y₂)... (X_n, Y_n)':

междубровье, междуглазье, междугорье, междупалубный, междуреберный, междуетажный

'⟨Протяженный/протяженные объект(ы) Z, такой/такие, что Z(-ы)⟩ попарно соединяет/соединяют ⟨объекты⟩ (X₁, Y₁), (X₂, Y₂)... (X_n, Y_n)':

междугородная телефонная связь, междугородний телефон, международные коммуникации, международная трасса.

5. Перемещение из пункта А в пункт Б и из пункта Б в пункт А.

‘⟨Субъект Х перемещает объект Y/перемещается⟩ в пространстве, ограниченном объектами Z₁ и Z₂’:

междугородные перевозки, междугородний автобус.

(2.1.2.1.2. Нелинейные)

1) Локативные. ‘⟨Линейный объект Х располагается / линейное действие Р происходит⟩ в коридоре, стороны которого ограничены протяженным(и) объектом/объектами Y₁, находящим(и)ся по одной стороне Х, и протяженным объектом/объектами Y₂, расположенным(и) по другую сторону Х’:

междуречье, междуречный, междупутье, междурядье, междустрочный.

(2.1.2.3.1.2. Конструкции с субстантивными морфами, обозначающими период времени)

‘⟨Состояние/действие объекта Р имеет место⟩ в пределах отрезка условной шкалы времени, ограниченного концом/концами ⟨временного отрезка⟩ X₁ и началом смежного ⟨временного отрезка⟩ X₂’:

междувластие, междуначалие, междупарье, междурейсовый, междущаствие.

(2.1.2.4. Взаимное паритетное действие двух и более объектов)

‘⟨Субъект(ы), группа(-ы) субъектов, или представитель(-и) групп(ы)⟩ X₁...X_n осуществляют взаимное действие / находятся в состоянии/отношении Р с другим(и) субъектом(-ами), группой(-ами) субъектов или представителем(-ями) группы Y₁...Y_n, соответственно, на паритетной основе’:

междуведомственный скандал, междуведомственные переговоры, междугородные соревнования, международные состязания, международные переговоры, междусоюзнические договоренности.

Примечание. Такое толкование композитов с предлогом МЕЖДУ возможно лишь в тех случаях, когда валентность адъективной основы заполняется отглагольным существительным. В случае, когда эту валентность заполняет существительное, обозначающее предметный референт, прилагательное с МЕЖДУ обнаруживает толкование, не имеющее аналогов в лексическом синтаксисе. Если словосочетания типа *межведомственные переговоры* синонимичны словосочетаниям типа *переговоры между ведомствами*, то, например, словосочетание *межведомственная комиссия* не имеет своего эквивалента в лексических конструкциях с МЕЖДУ (**комиссия между ведомствами*). Аналогично, например, *международная конференция* не может быть преобразована в синонимичное словосочетание — **конференция между народами*. Причина различия между двумя

этими способами заполнения валентности прилагательного с МЕЖДУ состоит в том, что во втором случае у предлога другие толкования:

‘(массовое мероприятие/организация) X, такая что некоторые (участники/члены) Y этих X имеет/имеют отношение к не менее, чем двум (разным) Z’, например, *международная конференция* (*конференция между народами), *международный комитет*, *международный центр*;

‘(организация) X, (распространяющая свою деятельность) на несколько разных Y’, например *международный терроризм* (*терроризм между народами (странами)) = ‘террористические организации, распространяющие свою деятельность на несколько стран’, *международный капитал* (*капитал между народами (странами)) = ‘капиталистические организации, распространяющие свою деятельность на несколько стран’, *международный рынок ценных бумаг*, *межведомственная комиссия* (*комиссия между ведомствами), *междугородная телефонная станция* (*телефонная станция между городами).

2.4. Корень {МЕЖ} и проклитика МЕЖ

У субстантивного корня {МЕЖ₁} два основных значения: 1. ‘Граница X земельных владений Y’ (*Межа между областями проходит по реке* [Кузнецов 2000]). 2. ‘Нераспаханная узкая полоса X между полями Y’ (*старшина ленивой походкой пошел по меже вдоль нивы* (В. Быков. НКРЯ)). В первом значении лексема эта двухвалентна («что является межей?» и «между чем и чем она проходит?»). В предложениях, не содержащих копулатива, МЕЖА обозначает свою первую валентность, вторую заполняет предлог МЕЖДУ. Во втором значении МЕЖА синтаксически одновалентна («что является межей?»). В предложениях, не содержащих копулатива, МЕЖА обозначает свою единственную валентность, которая в такого рода предложениях заполнена быть не может (см. по этому поводу [Барулин 1990]). И значение, и синтактика этого корня не имеет ничего общего с клитической морфемой {МЕЖ₂}, функционирующей как предлог. В интересующих нас морфолого-синтаксических конструкциях {МЕЖ₁} не встречается, поэтому мы оставим ее за пределами моего исследования. Далее нас будет интересовать только морфема {МЕЖ₂}, образующая словообразовательную базу предлога МЕЖ¹⁹.

2.4.1. Морфологический анализ словоформы *меж*

В отличие от словоформы *между*, словоформа *меж*, на мой взгляд, состоит всего из одной морфемы, и нам не потребуется использовать КК для постулирования ее клитического статуса. Поскольку в русском словообразовании она не встречается в качестве первого компонента грамматиче-

¹⁹ Далее мы будем считать, что в композитах МЕЖЕУМОК и МЕЖЕУМОЧНЫЙ фигурирует тот же корень, что и в словоформах лексемы МЕЖА.

ских композитов, мы будем считать, что она — клитика по словарным характеристикам. Таким образом, в дальнейшем мы будем исходить из того, что в словоформе *меж* всего одна морфема, она относится к конструктивному классу проклитик, поэтому образует простое проклитическое грамматическое слово.

2.4.2. Значения предлога МЕЖ

Анализ материала показывает, что в лексическом синтаксисе МЕЖ полный синоним МЕЖДУ. Во всех приведенных выше примерах на разные значения МЕЖДУ его можно заменить на МЕЖ. Единственным различием между ними, пожалуй, является то, что МЕЖ стилистически не так универсален, как МЕЖДУ. Так, например, в научных, юридических и подобных типах текстов стилистически не очень правильно использовать МЕЖ. Ср.: ⁺*Человек современного типа сформировался меж трёхсотым и двухсотым тысячелетиями* (**меж трёхсотого и двухсотого тысячелетия*) до н. э., или: ⁺*Рост преступника — меж ста семьюдесятью и ста восьмьюдесятью*. Но это, действительно, небольшая стилистическая погрешность, а не нарушение грамматической правильности или лексической сочетаемости.

Для подкрепления этого утверждения приведем несколько примеров на употребление предлога МЕЖ. *И медленно, пройдя меж пьяными, // Всегда без спутников, одна, // Дыша духами и туманами, // Она садится у окна.* (А. Блок). *Меж высоких хлебов затерялся // Небогатое наше село* (Н. А. Некрасов). ...*⟨С⟩талинских домов, меж которых, как в ущелье, текла, разделённая на два рукава зелёным сквером Автозаводская улица* (А. Варламов. НКРЯ). ...*⟨С⟩традания и испытания, причудливо и неравномерно поделённые меж людьми кровавого столетия* (А. Варламов. НКРЯ). ...*Дорога, извивавшаяся меж дачных участков* (А. Варламов. НКРЯ). *Высушенные меж страниц чуждой книги осенние цветы* (А. Варламов. НКРЯ). ...*⟨Б⟩родил по лунным дорожкам меж яблонь* (А. Варламов. НКРЯ). ...*⟨П⟩ойдет в пыли меж колосющейся ржи* (А. Варламов. НКРЯ). *Я прошу о вещах, которые меж приличными людьми сами собой разумеются* (А. Волос. НКРЯ). *Множество переплетенных меж собой путей* (А. Волос. НКРЯ). *Посыпалась вниз в щели меж плах перетёртая солома* (В. Астафьев. НКРЯ). *Меж этих холмов торчал курносый носишко* (В. Астафьев. НКРЯ). *Меж недавно побелённых колонок виднелись деревянные цветочные ящики* (В. Астафьев. НКРЯ). *Лента асфальта лежала меж снегов* (Б. Екимов. НКРЯ). *Ругая меж своими новую власть* (Б. Екимов. НКРЯ). *Но легла меж сестрой и братом какая-то неловкость* (В. Астафьев. НКРЯ). ...*⟨М⟩еж горестей, забот и тревоженья* (С. Г. Бочаров. НКРЯ). ...*⟨П⟩ерепутье меж тьмою и светом* (В. Астафьев. НКРЯ). *Тогда вокруг него, мелькая меж елей, вольно бегали белки* (М. Палей. НКРЯ). *Вот и началась меж ними и царём катавасия* (Ф. Горенштейн. НКРЯ). *Дайте русским людям меж собой поговорить* (Ф. Горенштейн. НКРЯ).

2.2.4. О морфологическом статусе {МЕЖ₂} и {МЕЖД}

Поскольку морфы меж₂ и межд имеют одно и то же значение, необходимо поднять вопрос о возможной их принадлежности одной и той же морфеме. Ответ на этот вопрос — отрицательный. Межд, как было показано, — субстантивный корень, тогда как меж — изначально клитический. В качестве проклитического конверсива корневого субстантивного морфа межд встречается только в сопровождении флексии локатива двойственного числа, с которым меж, как предлог, сочетаться не может. О значении меж можно сказать только, что оно идентично идиоматизированному сочетанию межд с {У}, в качестве проклитического предлога межд изолированно не используется. Из всего этого следует, что ни полного совпадения синтактик, ни распределенности в употреблении с межд у меж нет. Эти морфы относятся к разным морфемам.

2.2.5. Композиты с {МЕЖ₂}

Все композиты с {МЕЖ₂} построены с помощью РОИТС. Для доказательства этого тезиса необходимо и достаточно доказать, что морф меж в них — проклитика. Если доказать этот факт удастся, будет доказано и то, что конструкция словообразовательной базы в этих композитах янтарная. Пойдем в доказательстве от противного. Возьмем в качестве примера такого рода композитов словоформу *межгалактический*. Его толкование — ‘Х, такой что Х имеет место в пространстве, ограниченном двумя и более галактиками Y₁...Y_n’. Первый компонент композита морф меж, второй — морф галактич, принадлежащий той же морфеме, что и морф галактик в словоформе и одновременно фонетическом слове *галактика*, где всего две морфемы, флексия {А} и {ГАЛАКТИК}, которая не может быть ничем иным, кроме корня (только корень может быть порядковым центром фонетического слова, и корень составляет морфологический минимум фонетического слова). Две эти морфемы представляют собой словообразовательную базу, к которой могут быть присоединены суффиксы, в данном случае — {СК}, как и {Н}, конвертирующий субстантивные основы в адъективные. Предположим теперь, что меж — корень. В этом случае сочетание двух корневых морфем в обязательном порядке требует наличия в конструкции коннектора, который бы отменил границу между двумя корневыми базами и превратил ее в словообразовательную базу грамматического композита. На роль коннектора могут претендовать два морфа — нулевой (ср. *капитан-лейтенант*, *адрес-календарь*, *бельфлёр-китайка*, *лорд-канцлер*, *матч-турнир*), который используется в строго определенных конструкциях типа приведенной выше конструкции с параметрическим отношением между базами (см. о параметрическом типе синтаксической связи [Барулин 2019: 50 и далее]) и {О}, с которым и должен был бы сочетаться корневой меж (ср. *межеумок*, *междоузлие* и др.). Поскольку нужного для этой конструкции коннектора в ней нет, вариант с корнем отбрасывается. Предположим те-

перь, что меж — префикс. В этом случае он должен представлять собой конверсию проклитического предлога. Однако все русские предлоги, конвертированные в префиксы, сочетаются не с субстантивными, а с глагольными корнями. {ГАЛАКТИК} же — именной корень. Из этого следует, что и префиксальная гипотеза не проходит проверки. Остается один вариант: меж — проклитический предлог. Из этого утверждения следует, что синтаксическая связь между ним и субстантивной основой лексическая, а это значит, что присутствие лексической именной группы в морфолого-синтаксической конструкции может быть только результатом действия РОИТС: $[меж\#галактик\Phiами]_{infl \rightarrow \Lambda} \rightarrow [меж\#галактик]_{PrepGroup \rightarrow SubstB \otimes \otimes \Phi \otimes \Phi \otimes \Phi}$. При дальнейшей обработке линейной структуры /к/ будет по морфонологическим правилам преобразовано в /ч/ и мы получим правильную морфолого-синтаксическую конструкцию. С морфолого-синтаксической точки зрения конструкции с меж ничем не отличаются от конструкций с *между*, поэтому мы их рассматривать не будем. Единственное, что остается добавить к сравнительным характеристикам с *меж* и *между*, так это то, что они меняются местами, если рассматривать большую или меньшую универсальность их сочетаемости. Если в лексическом синтаксисе, как было показано, *между* имеет меньше ограничений в употреблении, чем *меж*, то в морфо-логическом синтаксисе все наоборот: *меж* менее ограничен в употреблении, чем *между*. Этот факт, но с упором на изменения частотности в употреблении *меж* и *между* во времени, является и основным итогом рассуждений авторов упоминавшейся статьи [Иткин, Пекарская 2017]. Однако мы расходимся с ними во всем, что касается утверждений о правилах выбора *меж* и *между* в композитах. Ниже это будет показано на материале.

3. К вопросу о распределении в употреблении МЕЖ и МЕЖДУ в янтарных конструкциях

Ни морфолого-синтаксических, ни семантических, ни прагматических предпосылок для формирования правил распределенности в употреблении синонимичных предлогов в янтарных конструкциях не обнаруживается. Все конструкции с ними поморфемно синонимичны. У особенно частотных композитов с этими предлогами в качестве первых их компонентов не все значения морфем могут оказаться реализованными, их полисемия в сравнении с тем, что можно было бы ожидать при задействовании всех значений морфем, входящих в конструкцию основы, оказывается суженной. В таких случаях вторые члены противопоставленных пар могут дополнять контекстное использование конструкции. Покажу это на примере пары МЕЖДУНАРОДНЫЙ и МЕЖНАРОДНЫЙ. В стихотворении Д. Хармса «Берег правый межнародный // Своемудрием сердитый // обойденный мной и сыном...» прилагательное *межнародный* обозначает ‘находящийся в месте, ограниченном территориями двух разных народов’, т. е. в значении,

близком к 'пограничный' (имеется в виду берег пограничной реки, Немана, который упоминается в стихотворении ниже). Использование в стихотворении именно прилагательного МЕЖНАРОДНЫЙ, а не ПОГРАНИЧНЫЙ, нужно Хармсу для того, чтобы далее сжато выразить мысль о воинственной противопоставленности картин мира приграничных народов (*своемудрием сердитый*). Указанного выше значения не могут иметь ни синонимичное *международному* прилагательное *международный*, лексическое значение которого сужено, ни прилагательные *пограничный* или *приграничный*, в составе которых нет морфемы, обозначающей 'народы'. Все это еще раз подтверждает тезис о том, что о лексеме с правильно построенной основой нельзя говорить как о не существующей в том или ином языке. Она в любой момент может быть воспроизведена (заново построенна) носителем языка для выражения смысла, который она принципиально может выражать и который не выражается ее синонимами. Задача лингвистики состоит в том, чтобы выявлять и фиксировать правила конструирования основ из морфем, позволяющие, в частности, отличать правильные конструкции от неправильных.

В поэтических текстах важную роль в выборе того или иного члена синонимичной пары лексем играет количество слогов в каждом из предлогов.

Совершенно другие механизмы в исследуемых конструкциях определяют частотность использования того или иного предлога в композитах. Думаю, дело здесь обстоит примерно так же, как с нормативным порядком слов. Носитель языка всегда помнит о том, что нормативный порядок слов в русском языке — SVO, при этом ни синтаксис, ни семантика предложений не создают предпосылок ни для его изменения, ни для его соблюдения, но существует масса других контекстных условий, которые заставляют носителя языка изменять нормативный порядок, например структура текста, логическое выделение и т. д.

Как представляется, таким дополнительным фактором предпочтения того или другого члена синонимичной пары предлогов и конструкций с ними является метрическая структура словоформы²⁰, к которой относятся деление словоформы на слоги и место ударного слога в акцентном слове. Как известно, частотность той или иной единицы или конструкции определяется на материале выборки. Включение лексемы в словарь в массе своей так или иначе задает нижний порог ее частотности, если, конечно, она не идиома, поэтому было решено проверить тенденции в предпочтении выбора МЕЖ/МЕЖДУ осуществить на материале словарей.

Ниже приводится полный список лексем, обнаруженных в словарях [Ушаков 1935–1940; МАС 1999; Ожегов, Шведова 1999; Кузнецов 2000; Каленчук и др. 2018] и [Лопатин 2007]. Слова разбиты на классы, отличающиеся друг от друга характеристиками второй словообразовательной

²⁰ О противопоставлении метрических и сигнификативных единиц в языке см. выше.

базы, а именно, количеством слогов в ней и местом ударения. В каждом классе лексемы разделены на две колонки. В левой — конструкции с МЕЖДУ, в правой — с МЕЖ. Это позволяет сразу увидеть, какова тенденция предпочтения в употреблении этих предлогов в композитах. Под словообразовательной базой в данном случае мы будем иметь в виду морфологосинтаксическую янтарную конструкцию, полученную с помощью РОИТС из соответствующего словосочетания (см. об этом выше).

1. 2-й компонент — односложная ударная словообразовательная база.

Междубровье	межбровье
Междугорье	межгорье
Междуглазье	межглазье
Междувластие	межфазный
Междупарье	межсловный
Междуречный	межзубный
Междуречье	межкостный
Междурядный	межшахтный
Междурядье	межклетный
Междустрочный	межплодник
Междущарствие	межзвездный
Междузвездный	межцентровый
Междупутье	межбанковский
Междуреисовый	межвузовский
	межклассовый
	межблоковый
	межблочный
	межклановый
	межклетник
	межрамный
	межрасовый
	межсменный
	межтекстовый
	межтканевый
	межферменный
	межшкольный

2. 2-й компонент — двусложная словообразовательная база с ударением на ее первом слоге.

Междурёберный	межвремяе
Междупалубный	межрёберный
Междукамерный	межрёберье
Междуведомственный	межведомственный
	Межкомнатный
	Межъярусный
	Межатомный

Межродственный
 Межжаберный
 Межйеменский
 Межкорпусный
 Межличностный
 Межмодульный
 Межпалубный
 Межприступный
 Межклеточный

3. 2-й компонент — двусложная словообразовательная база с ударением на ее втором слоге.

Междугородний	межполосье
Междугородный	межколхозный
Международник	межобщинный
Международный	межпартийный
Междуначалие	межбригадный
Междусобойный	межпородный
Междусобойчик	межрайонный
Междуусобица	межозёрье
Междуусобный	межозёрный
Междуэтажный	межсезонье
Междупланетный	межсоюзный
Междугородка	межарабский
	Межквартирный
	Межпланетный
	Межсезонный
	Межсовхозный
	Межфабричный
	Межэтажный
	Межбюджетный
	Межвоенный
	Межзадачный
	Межкорейский
	Межкультурный
	Межмашинный
	Межморенный
	Межремонтный
	Межоконье
	Межотсечный
	Межпассатный
	Межполосный
	Межпредметный
	Межпрограммный
	Межрайонец

Межрегистрационный
Межсегментный
Межселенный
Межсистемный
Межсословный
Межхозяйственный
Межэтажный

4. 2-й компонент — односложные словообразовательные базы с ударением за их пределами.

Межзональный
Межкраевой
Межкурсовой
Межродовой
Межэтнический
Межвидовой
Межигровой
Межсортной
Межцеховой
Межбиржевой
Межсетевой
Межтекстовой

5. 2-й компонент — двусложные словообразовательные базы с ударением за их пределами.

Межледниковый
Межледниковье
Межнациональный
Межокружной
Межотраслевой
Межплеменной
Межсессионный
Межязыковой
Межчелюстной
Межвозрастной
Межзаводской
Межобластной
Межафриканский
Межостровной
Межфракционный
Межъязыковой

6. 2-й компонент — более, чем двусложные словообразовательные базы с ударением на их первом слоге.

Межуровневый

7. 2-й компонент — более, чем двусложные словообразовательные базы с ударением на их втором слоге.

Междусоюзнический	межсоюзнический
	межпарламентский
	межправительственный

8. 2-й компонент — более, чем двусложные словообразовательные базы с ударением более, чем на их втором слоге.

Межамериканский
Межбиблиотечный
Межгалактический
Межгосударственный
Межконтинентальный
Межлитературный
Межнациональный
Межпозвоночный
Межреспубликанский
Межинститутский
Межминистерский
Межмолекулярный
Межнавигационный
Межфакультетский
Межгалагенный
Междинастический
Междисциплинарный
Межиздательский
Межконфессиональный
Межкристаллитный
Межматериковый
Межмицеллярный
Межмуниципальный
Межокеанский
Межолимпийский
Межпоколенческий
Межреволюционный
Межрегиональный
Межрелигиозный
Межтерриториальный
Межучрежденческий
Межчеловеческий
Межъевропейский
Межэшелонный

9. Более, чем двухбазовые лексемы.

Межцентромер

Как видно из приведенного материала, в тенденции предпочтения выбора МЕЖ и МЕЖДУ второй предлог проигрывает первому, как правильно указывается в статье [Иткин, Пекарская 2017], во всех типах метрических конструкций. Как-то он еще держится в янтарных конструкциях с односложной ударной второй базой, с двухсложной второй базой, где ударение падает не далее, чем на второй слог второго компонента. Однако если оно передвигается за пределы второй словообразовательной базы, если второй компонент — более чем двухсложная словообразовательная база, тенденция предпочтения предлога МЕЖ становится абсолютной.

4. Заключение

Главным результатом данной работы является введение и использование теоретического аппарата для описания морфологических конструкций не парадигматическими, а синтагматическими методами, использующими, в частности, введенное И. А. Мельчуком понятие операции, действующей в метаязыке не как у Н. Хомского в качестве инструмента преобразования исходной или идеальной конструкции в реальную (такого рода операции в теории И. А. Мельчука тоже есть), а как языковое средство, подобное цепочкам сегментов, в частности, как один из видов означающего знака. В качестве полигона для испытания новых теоретических инструментов были выбраны композиты, в которых в качестве первого компонента выступают не корневые морфемы, а проклитики, которые греко-латинская парадигматическая традиция описывает как префиксы. Одной из задач статьи была аргументация точки зрения, по которой проклитики в таких конструкциях, как, например, *междуречье*, *заречье*, *поречье*, не могут трактоваться как префиксы. И предлог МЕЖДУ очень хорошо подходит для демонстрации ложности этой точки зрения. Если для таких предлогов, как ЗА или ПО, доказательство их отнесенности к классу проклитик осложняется тем, что предлоги не содержат никаких внешних признаков, указывающих на их конструктивный класс, а флексия управляемой ими словоформы элиминируется механизмом РОИТС, то с МЕЖДУ все обстоит иначе. МЕЖДУ содержит флексию, которая исчезает в грамматических композитах (ср. *междоузлие*), где морф *межд* обозначает в точности то же, что и предлог. В *междуречье* же флексия сохраняется, что означает, что компонентом композита оказывается не корневая морфема, требующая в конструкциях этого типа коннектора {О}, а целостная словоформа, языковая единица не морфологического, а лексико-синтаксического яруса. Сочетания проклитик с синтаксически связанными с ними словоформами — элемент лексико-синтаксической структуры, которая не может быть напрямую вставлена в конструкцию морфологического яруса. Для этого требуется специальное преобразование, трансформирующее структуру одного яруса в структуру другого. Преобразование это, как правило, состоит в от-

сечении последней флексии основы, что и знаменует собой преобразование лексико-синтаксической подструктуры в янтарную конструкцию, относящуюся теперь к морфологическому ярусу и приравненную к простой словообразовательной базе.

Интересным, с моей точки зрения, побочным результатом морфологического анализа предлога МЕЖДУ является обнаружение механизмов, способствовавших историческому преобразованию словоформы местного падежа двойственного числа в предлог и изменению семантики и синтактики корневой морфемы, а вместе с ними и синтактики предлога. Этот результат позволил также проследить, какие следы в семантике и синтактике современной лексемы МЕЖДУ оставило древнее двойственное число флексии.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1967 — Ю. Д. А п р е с я н. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.

Арутюнова и др. 1972 — Н. Д. А р у т ю н о в а, Т. В. Б у л ы г и н а. Морфология // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. С. 210–258.

Барулин 1977 — А. Н. Б а р у л и н. О противопоставлении местоимений КТО, ЧТО // Тезисы конференции молодых научных сотрудников и аспирантов. М.: Институт востоковедения, 1977. С. 14–17.

Барулин 1977а — А. Н. Б а р у л и н. Некоторые теоретические проблемы, возникающие при описании турецкого именного словоизменения // Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему: «Теоретические проблемы восточного языкознания». М.: Институт востоковедения АН СССР, 1977. С. 23–27.

Барулин 1978 — А. Н. Б а р у л и н. Модель склонения личных местоимений аллоторского языка // Институт русского языка АН СССР. Предварительные публикации. Вып. 107. М.: Институт русского языка АН СССР, 1978. С. 3–8.

Барулин 1979 — А. Н. Б а р у л и н. Некоторые проблемы описания турецкого существительного // Проблемы языков Азии и Африки. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1979. С. 16–69.

Барулин 1980а — А. Н. Б а р у л и н. Место модели словообразования в общей модели языка // Тезисы рабочего совещания по морфеме. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1980. С. 9–15.

Барулин 1980б — А. Н. Б а р у л и н. О синтаксисе словоформы (на материале турецкого языка) // Тезисы рабочего совещания по морфеме. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1980. С. 15–19.

Барулин 1982 — А. Н. Б а р у л и н. К проблеме описания синтаксиса словоформы (на материале турецкого языка) // Теоретические проблемы восточного языкознания. Т. 5. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1982. С. 23–54.

Барулин 1983 — А. Н. Б а р у л и н. К проблеме построения семантического представления числительных в языках разных систем // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Тезисы докладов и сообщений школы-семинара. М.: Изд-во ВИНТИ, 1983. С. 172–173.

Барулин 1984 — А. Н. Барулин. Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Барулин 1985 — А. Н. Барулин. Морфосинтаксические этюды // Тезисы докладов школы-семинара «Семиотические проблемы формализации интеллектуальной деятельности». М.: Изд-во ВИНТИ, 1985. С. 278–282.

Барулин 1988 — А. Н. Барулин. К проблеме классификации русских композитов // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар «Боржоми-88». Тезисы докладов и сообщений. М.: Изд-во ВИНТИ, 1988. С. 279–282.

Барулин 1990 — А. Н. Барулин. Типы семантико-синтаксической организации словоформы и распределение их по частям речи // Части речи. Теория и типология. М.: Наука, 1990. С. 51–76.

Барулин 1996а — А. Н. Барулин. К построению модели синтеза русских нумеративов (глубинное и поверхностно-семантическое представление) // Московский лингвистический журнал. 1996. № 2. С. 27–53.

Барулин 1996б — А. Н. Барулин. Сверх-естественная морфология // Материалы международного конгресса «100 лет Р. О. Якобсону». М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 107–108.

Барулин 2017 — А. Н. Барулин. О статусе и семантике так называемого «интерфiksa» о/е в русских композитах // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический журнал). М.: Институт языкознания РАН. Вып. 9. 2017. С. 79–93.

Барулин 2018 — А. Н. Барулин. Русское именное словоизменение А. А. Зализняка и дальнейшие пути развития его идей. Ч. 1. // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический журнал). М.: Институт языкознания РАН. Вып. 10. 2018. С. 19–76.

Барулин 2019 — А. Н. Барулин. Проект создания толково-комбинаторного словаря морфем // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический журнал). М.: Институт языкознания РАН. Вып. 11. 2019. С. 11–57.

Барулин, Айхенвальд 1988 — А. Н. Барулин, А. Ю. Айхенвальд. К грамматике синтеза форм слова // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 36–44.

Барулин, Бронников, Чичулина 2020 — А. Н. Барулин, Г. К. Бронников, М. А. Чичулина. Об одном возможном способе описания словообразовательных отношений между полными и короткими личными именами в русском языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический журнал). М.: Институт языкознания РАН. Вып. 12. 2020. С. 3–60.

Барулин, Кононов 1987 — А. Н. Барулин, А. Н. Кононов. Теоретические проблемы турецкой грамматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. М.: Прогресс, 1987. С. 5–36.

Барулин, Шведова 2019 — А. Н. Барулин, А. А. Шведова. О корне глагола ИДТИ // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический журнал). М.: Институт языкознания РАН. Вып. 11. 2019. С. 58–101.

Бенвенист 1974 — Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

Бодуэн 1963 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. Введение в языковедение // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 246–293.

Борщев, Хомяков 1976 — В. Б. Борщев, М. В. Хомяков. Клубные системы (формальный аппарат для описания сложных систем) // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1976. № 8. С. 3–6.

Булыгина и др. 1972 — Т. В. Булыгина, Г. А. Климов. Уровни языковой структуры // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. С. 92–119.

Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.

Даниэль 2000 — М. А. Даниэль. Типология ассоциативной множественности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.

Жинкин 1958 — Н. И. Жинкин. Механизмы речи / Академия педагогических наук РСФСР. Институт психологии. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1958.

Жинкин 1998 — Н. И. Жинкин. Язык — речь — творчество. Избранные труды // М.: Лабиринт, 1998.

Зализняк 1980 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

Иткин, Пекарская 2017 — И. Б. Иткин, В. Д. Пекарская. Международный скандал (сложные слова с первым компонентом *меж-* ~ *между-* в истории русского литературного языка) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Т. XIII. Культура русской речи. М.: Институт русского языка РАН, 2017. С. 432–440.

Каленчук и др. 2018 — М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века, норма и ее варианты. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аст-Пресс Школа, 2018.

Кузнецов 2000 — С. А. Кузнецов. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.

Лопатин 2007 — В. В. Лопатин (отв. ред.). Русский орфографический словарь. М.: Институт русского языка РАН, 2007.

МАС 1999 — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999.

Мельчук 1975 — И. А. Мельчук. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) // Семиотика и информатика. Вып. 6. М.: Изд-во ВИНТИ, 1975. С. 5–50.

Мельчук 1997 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 1. М.; Вена: Языки русской культуры: Wiener slawistischer Almanach: Издательская группа «Прогресс», 1997.

Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена: Языки русской культуры: Wiener slawistischer Almanach, 1998.

Мельчук 1999 — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.

Мельчук 2000 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 3. М.; Вена: Языки русской культуры: Wiener slawistischer Almanach, 2000.

- Мельчук 2001 — И. А. М е л ь ч у к. Курс общей морфологии. Т. 4. М.; Вена: Языки русской культуры: Wiener slawistischer Almanach, 2001.
- Мельчук 2006 — И. А. М е л ь ч у к. Курс общей морфологии. Т. 5. М.; Вена: Языки славянских культур: Wiener slawistischer Almanach, 2006.
- Ожегов, Шведова 1999 — С. И. О ж е г о в, Н. Ю. Ш в е д о в а. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.
- Павский 1841 — Г. П. П а в с к и й. Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка. Первое разсужденіе. СПб., 1841.
- Пешковский б/г — А. М. П е ш к о в с к и й. Наш язык. Ч. 1. Книга для учителя. 3-е изд. М.: Госиздат, б/г.
- Реформатский 1987 — А. А. Р е ф о р м а т с к и й. К вопросу о фоно-морфологической делимитации слова // А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Лингвистика и поэтика. М.: Наука. 1987. С. 90–104.
- Сепир 1930 — Э. С е п и р. Totality // Language monograph. 1930. № 6. P. 6–28. (Русский перевод: Целостность // Э. С е п и р. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. С. 386–408).
- Смотрицкий 2000 — Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М.: Изд-во МГУ, 2000.
- Соссюр 2000 — Ф. де С о с с ю р. Заметки по общей лингвистике. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Т е с т е л е ц. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001.
- Ушаков 1935–1940 — Д. Н. У ш а к о в (ред.). Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935–1940.
- Фасмер 1986 — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986.
- Anderson 2005 — S. R. A n d e r s o n. Aspects of the theory of clitics. Oxford: Oxford University Press. 2005.
- Deacon 1997 — T. D e a c o n. The symbolic species. The co-evolution of language and the brain. N. Y.; London: W. W. Norton & Company. 1997.
- Lieberman 2002 — P. L i e b e r m a n. On the Nature and Evolution of the Neural Bases of Human Language // Yearbook of Physical Anthropology 2002. Vol. 45. P. 36–62.
- Pāṇini 1987 — Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. Roman transliteration and English translation by Sumitra M. Katre. Delhi: Motilal Banarsidass, 1987.

Статья получена 21.04.2020

Alexandr N. Barulin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
anbarulin@gmail.com

MORPHOLOGIC AMBER CONSTRUCTIONS WITH MORPHEMES {MEZH} AND {MEZHD}

The paper is devoted to morphological, morpho-syntactic, and semantic analysis of the Russian morphemes {MEZH} and {MEZHD} and compounds containing these morphemes as the first component. The analysis is based on the author's morphological theory the essen-

tials of which are given in the 1st paragraph, in development since 1977. For the adequate analysis of compounds containing the above-mentioned morphemes, the notion of recursive operation changing a taxonomic status of a language unit (ROCTS, [Barulin 2018]), or otherwise the *amber operation* for brevity, is used. The amber operation executes the taxonomic status change of any language unit, be it an ideophone, syllable, or a phrase, into the derivational base. That is, it changes the morpheme's syntactics in the way that it can move either to the higher or to the lower level in the root-clitic-affix hierarchy. Examples showing the advisability of this conversion are also provided: separable prefixes in German, or transition of the copula from root to clitic in Turkish, or transition of prepositions from clitics to prefixes in Russian, or finally, transition of clitics to root-morphs in English. The paper also deals with the issues of grouping allomorphs and variomorphs with different constructive status into a morpheme. The last part of the paper is devoted to the rules of choice between synonymic root-clitic compounds containing MEZH and MEZH DU.

Keywords: morphology, word-building, morph, morpheme, morpheme's description, morpheme's syntactics, wordform, compounds

References

- Anderson, S. R. (2005). *Aspects of the theory of clitics*. Oxford: Oxford University Press.
- Apresyan, Yu. D. (1967). *Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola*. Moscow: Nauka.
- Arutiunova, N. D., & Bulygina, T. V. (1972). Morfologiya. In B. A. Serebrennikov (Ed.), *Obshchee yazykoznanie. Vnutrenniya struktura yazyka* (pp. 210–258). Moscow: Nauka.
- Barulin, A. N. (1977a). O protivopostavlenii mestoimenii KTO, CHTO. In *Tezisy konferentsii molodykh nauchnykh sotrudnikov i aspirantov* (pp. 14–17). Moscow: Institut vostokovedeniia.
- Barulin, A. N. (1977b). Nekotorye teoreticheskie problemy, vznikaiushchie pri opisani turetskogo imennogo slovoizmeneniia. In *Tezisy dokladov I Mezhdunarodnogo simpoziuma uchenykh sotsialisticheskikh stran na temu: «Teoreticheskie problemy vostochnogo yazykoznaniiia»* (pp. 23–27). Moscow: Institut vostokovedeniia AN SSSR.
- Barulin, A. N. (1978). Model' skloneniia lichnykh mestoimenii aliutorskogo yazyka. *Institut russkogo iazyka AN SSSR. Predvaritel'nye publikatsii*, 107, 3–8.
- Barulin, A. N. (1979). Nekotorye problemy opisaniia turetskogo sushchestvitel'nogo. In *Problemy yazykov Azii i Afriki* (pp. 16–69). Moscow: Institut vostokovedeniia AN SSSR.
- Barulin, A. N. (1980a). Mesto modeli slovoobrazovaniia v obshchei modeli yazyka. In *Tezisy rabochego soveshchaniia po morfeme* (pp. 9–15). Moscow: Institut vostokovedeniia AN SSSR.
- Barulin, A. N. (1980b). O sintaksise slovoformy (na materiale turetskogo yazyka). In *Tezisy rabochego soveshchaniia po morfeme* (pp. 15–19). Moscow: Institut vostokovedeniia AN SSSR.
- Barulin, A. N. (1982). K probleme opisaniia sintaksisa slovoformy (na materiale turetskogo yazyka). In I. F. Vardul', V. M. Solntsev, & Yu. Ya. Plam (Eds.), *Teoreticheskie problemy vostochnogo yazykoznaniiia* (Vol. 5, pp. 23–54). Moscow: Nauka.
- Barulin, A. N. (1983). K probleme postroeniia semanticheskogo predstavleniia chislitel'nykh v yazykakh raznykh sistem. In *Semioticheskie aspekty formalizatsii intellektual'noi deiatel'nosti. Tezisy dokladov i soobshchenii shkoly-seminara* (pp. 172–173). Moscow: Izd-vo VINITI.

Barulin, A. N. (1984). *Teoreticheskie problemy opisaniia turetskoi imennoi slovoformy* (Doctoral dissertation). Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow.

Barulin, A. N. (1985). Morfosintaksicheskie etudy. In *Tezisy dokladov shkoly-seminara «Semioticheskie problemy formalizatsii intellektual'noi deiatel'nosti»* (pp. 278–282). Moscow: Izd-vo VINITI.

Barulin, A. N. (1988). K probleme klassifikatsii russkikh kompozitov. In A. I. Mikhailov (Ed.), *Semioticheskie aspekty formalizatsii intellektual'noi deiatel'nosti. Vsesoiuznaia shkola-seminar «Borzhomi-88». Tezisy dokladov i soobshchenii* (pp. 279–282). Moscow: Izd-vo VINITI.

Barulin, A. N. (1990). Tipy semantiko-sintaksicheskoi organizatsii slovoformy i raspredelenie ikh po chastiam rechi. In V. M. Alpatov et al. (Eds.), *Chasti rechi. Teoriia i tipologiya* (pp. 51–76). Moscow: Nauka.

Barulin, A. N. (1996a). K postroeniiu modeli sinteza russkikh numerativov (glubinoe i poverkhnostno-semanticheskoe predstavlenie). *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*, 2, 27–53.

Barulin, A. N. (1996b). Sverkh-estestvennaia morfologiya. In S. I. Gindin, N. P. Grintser, & E. P. Shumilova (Eds.), *Materialy mezhdunarodnogo kongressa «100 let R. O. Yakobsonu»* (pp. 107–108). Moscow: Izd-vo RGGU.

Barulin, A. N. (2017). O statuse i semantike tak nazyvaemogo «interfiksa» o/e v russkikh kompozitakh. *Lingvistika i metodika prepodavaniia inostrannykh yazykov. Elektronnoe nauchnoe izdanie (periodicheskii zhurnal)*, 9, 79–93.

Barulin, A. N. (2018). Russkoe imennoe slovoizmenenie A. A. Zalizniaka i dal'neishie puti razvitiia ego idei. Ch. 1. *Lingvistika i metodika prepodavaniia inostrannykh yazykov. Elektronnoe nauchnoe izdanie (periodicheskii zhurnal)*, 10, 19–76.

Barulin, A. N. (2019). Proekt sozdaniia tolkovno-kombinatornogo slovaria morfem. *Lingvistika i metodika prepodavaniia inostrannykh yazykov. Elektronnoe nauchnoe izdanie (periodicheskii zhurnal)*, 11, 11–57.

Barulin, A. N., & Aikhenval'd, A. Yu. (1988). K grammatike sinteza form slova. In *Sinkhroniia i diakhroniia v lingvisticheskikh issledovaniiax* (pp. 36–44). Moscow: Nauka.

Barulin, A. N., & Kononov, A. N. (1987). Teoreticheskie problemy turetskoi grammatiki. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 19, 5–36.

Barulin, A. N., & Shvedova, A. A. (2019). O korne glagola IDTI. *Lingvistika i metodika prepodavaniia inostrannykh yazykov. Elektronnoe nauchnoe izdanie (periodicheskii zhurnal)*, 11, 58–101.

Barulin, A. N., Bronnikov, G. K., & Chichulina, M. A. (2020). Ob odnom vozmozhnom sposobe opisaniia slovoobrazovatel'nykh otnoshenii mezhdu polnymi i korotkimi lichnymi imenami v russkom yazyke. *Lingvistika i metodika prepodavaniia inostrannykh yazykov. Elektronnoe nauchnoe izdanie periodicheskii zhurnal*, 12, 3–60.

Benveniste, É. (1974). *Obshchaia lingvistika*. Moscow, Progress.

Borshchev, V. B., & Khomiakov, M. V. (1976). Klubnye sistemy (formal'nyi apparat dlia opisaniia slozhnykh sistem). *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 2*, 8, 3–6.

Bulygina, T. V., & Klimov, G. A. (1972). Urovni yazykovoi struktury. In B. A. Se-rebrennikov (Ed.), *Obshchee yazykoznanie. Vnutrenniaia struktura yazyka* (pp. 92–119). Moscow: Nauka.

Daniel, M. A. (2000). *Tipologiya assotsiativnoi mnozhestvennosti* (Doctoral dissertation). Russian State University for The Humanities, Moscow.

Deacon, T. (1997). *The symbolic species. The co-evolution of language and the brain*. New York; London: W. W. Norton & Company.

Evgenyeva, A. P. (Ed.). (1999). *Slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–4). Moscow: Russkii yazyk; Poligrafresursy.

Itkin, I. B., & Pekarskaia, V. D. (2017). Mezhdunarodnyi skandal (slozhnye slova s pervym komponentom *mezh-* ~ *mezhd-* v istorii russkogo literaturnogo yazyka). In A. D. Shmelev (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. T. 13. Kul'tura russkoi rechi* (pp. 432–440). Moscow: Institut russkogo yazyka RAN.

Kalenchuk, M. L., Kasatkin, L. L., & Kasatkina, R. F. (2018). *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka, norma i ee varianty* (2nd ed.). Moscow: Ast-Press Shkola.

Katre, S. M. (Transl.). (1987) *Aṣṭādhyāyī of Pāṇini*. Delhi: Motilal Banarsidass.

Kuzminova, E. A. (Ed.). (2000). *Grammatiki Lavrentiia Zizaniia i Meletiia Smotritskogo*. Moscow: Izd-vo MGU.

Kuznetsov, S. A. (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. St Petersburg: Norint.

Lieberman, P. (2002). On the nature and evolution of the neural bases of human language. *Yearbook of Physical Anthropology*, 45, 36–62.

Lopatin, V. V. (Ed.). (2007). *Russkii orfograficheskii slovar'*. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN.

Mel'čuk, I. A. (1975). Opyt razrabotki fragmenta sistemy poniatii i terminov dlia morfologii (k formalizatsii yazyka lingvistiki). In Yu. A. Shreider (Ed.), *Semiotika i informatika* (Issue 6, pp. 5–50). Moscow: Izd-vo VINITI.

Mel'čuk, I. A. (1997–1998). *Kurs obshchei morfologii* (Vols. 1–2). Moscow; Vienna: Yazyki russkoi kul'tury; Wiener slawistischer Almanach; Progress.

Mel'čuk, I. A. (1999). *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ⇔ Tekst»*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Mel'čuk, I. A. (2000–2006). *Kurs obshchei morfologii* (Vols. 3–5). Moscow; Vienna: Yazyki russkoi kul'tury; Wiener slawistischer Almanach.

Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (Eds.). (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Azbukovnik.

Reformatsky, A. A. (1987). *Lingvistika i poetika*. Moscow: Nauka.

Shvedova, N. Yu. (Ed.) (1980). *Russkaia grammatika. Vol. I*. Moscow: Nauka.

Testeleis, Ya. G. (2001). *Vvedenie v obshchii sintaksis*. Moscow: Izd-vo RGGU.

Zaliznyak, A. A. (1980). *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Russkii yazyk.

Zaliznyak, A. A. (1985). *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A. (2002). *«Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaliznyak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Zhinkin, N. I. (1958). *Mekhanizmy rechi*. Moscow: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR.

Zhinkin, N. I. (1998). *Yazyk — rech' — tvorchestvo*. Izbrannye trudy. Moscow: Labirint.

Received on April 21, 2020